

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ*

Коллективизация советского сельского хозяйства в 1929—1933 гг. была самым важным событием в России после двух революций 1917 г. Воздействие коллективизации на село и на все аспекты жизни страны оказалось глубоким и продолжительным. Октябрьская революция уничтожила два высших класса — капиталистов и помещиков, которые составляли ничтожное меньшинство населения. „Революция сверху“ (так назвал Сталин коллективизацию) преобразовала класс, составлявший большинство в России, и коренным образом изменила жизнь более чем 80% населения страны. „Пролетарская“ революция 1917 г. весьма мало изменила жизнь рабочих. Они продолжали пользоваться теми же средствами производства и орудиями труда, работать в рамках тех же профессий и применять те же трудовые навыки. Коллективизация полностью изменила образ жизни людей. Изменились не только вековые методы работы крестьянства. Более миллиона крестьянских семей были переселены, и процесс этот усилила кампания террора, ссылок, высылки, убийств в масштабах, каких не знала русская история. За всем этим последовал трагический голод 1932—1933 гг., в ходе которого погибли более 5 млн. человек. Ныне, когда

* Отрывок из книги „Soviet Agriculture“, W.W. Norton & Co. N. Y. London.

говорят о сталинском терроре, имеют в виду чистки 1936–1938 гг. Однако террор, сопровождавший коллективизацию, был направлен против широких масс населения и был столь же жестоким. Кроме того, никогда впоследствии от него не отрезались и его не осудили.

Советская официальная история по-прежнему искажает или обходит молчанием важнейшие аспекты и факты этого периода. В 1965 г. специальная исследовательская группа Института истории Академии наук СССР завершила двухтомное академическое исследование о коллективизации, редактором которого был В. П. Данилов. Центральный Комитет распорядился отобрать у авторов и уничтожить корректурные листы. На всесоюзной идеологической конференции в Москве в октябре 1966 г. исследование критиковалось как „попытка ревизии истории советского общества”.¹ Официальная точка зрения гласит, что коллективизация была успехом, „победой марксистско-ленинской теории социалистического преобразования сельского хозяйства”. На самом деле до успеха было далеко. Основанная на неверной оценке исторической перспективы, коллективизация оказалась полной неудачей. Она не разрешила кризиса в отношениях между городом и деревней, который возник в результате кампании насильственных заготовок 1929 г. Вместо этого кризис стал перманентным. К тому же, коллективизация не была основана на выводах тщательно разработанной теории, а внезапной, плохо подготовленной акцией, в ходе которой руководство от начала до конца действовало на основе импровизации. Приводят довод, что не было другого пути, на котором Советский Союз мог бы развиваться в современное индустриальное государство. Но этот довод не выдерживает критики: путей было несколько, и каждый из них был предпочтительнее той жестокой политики, которую Сталин начал проводить в 1929 г.

Для историка, стремящегося к объективности, а также для специалиста по сельскому хозяйству изучение коллективизации — трудная задача. Коллективизация была предметом многочисленных исследований западных историков. Здесь придется ограничиться лишь освещением важнейших фактов и сосредоточить внимание на экономических и агрономических аспектах проблемы.

1. Война против крестьянства

1929 год был решающим для выполнения первого пятилетнего плана. Развитие промышленности и введение в строй многочисленных новых капитальных объектов привело к росту городского населения и увеличило потребности городов в продовольствии. Но заготовки начала 1929 г. шли плохо, и „чрезвычайные меры” считались бесполезными, так как на селе излишков продовольствия больше не было. Кроме того, не были забыты уроки 1928 г.: конфискация основных запасов зерна приводит к дальнейшему сокращению площадей под посевами. Сначала Сталин попытался вновь применить метод комбедов в Сибири, Казахстане и на Урале с тем, чтобы расколоть деревню и натравить более бедных крестьян на преуспевающих, с которых рассчитывали получить большую часть обложений в каждой деревне. „Урало-сибирский метод” был представлен как местная инициатива. Местные власти создавали комитеты из бедняков и середняков; комитетам было предоставлено право устанавливать индивидуальные нормы дополнительного обложения на основе сведений об излишках зерна в зажиточных хозяйствах. Но положение не улучшилось. В конце 20-х годов бедняки не имели лошадей, скота и сельскохозяйственного оборудования; обычно они арендовали лошадей и оборудование, необходимое для работ, у зажиточных хозяев. И вообще между крестьянами сибирских и уральских сел существовали отношения взаимной связи и зависимости, так как города и центры торговли в тех местах были редки и расположены на значительных расстояниях друг от друга.

В марте–апреле государственные зерновые запасы начали истощаться. Без какого-либо формального извещения о „чрезвычайных мерах” государство начало тайные реквизиции зерна. Местные власти вновь стали применять статью 107 Уголовного кодекса, по которой производились тысячи арестов кулаков и зажиточных крестьян и конфискация их зерновых запасов, заранее расцененных как излишки. Несмотря на эти меры, общий сбор зерна в заготовительный сезон 1928–1929 гг. составил лишь 8,3 млн. т, на 2 млн. т меньше, чем в 1927 г. Нормы

выдачи хлеба в городах были снижены, а другие основные продукты питания были рационированы (карточная система).

Несмотря на „чрезвычайные меры“, методы заготовок в 1929 г. были не столь жестокими, как в 1928 г. Правительство хорошо осознало, что такие меры антипродуктивны, и важно поощрять засев площадей, а не сдерживать его. Общие площади под зерновыми в 1929 г. расширились на 6% по сравнению с 1928 г., и погодные условия были хорошими. Однако по политическим причинам многие местные отчеты об урожае фальсифицировались, и плановая цифра заготовок (14 млн. т), опубликованная лишь к концу уборочной кампании, была основана именно на этих чрезмерно оптимистических оценках. Текущие статистические отчеты показали, что урожай 1929 г. был на 1% ниже урожая 1928 г.

Новая тактика операций с урожаем была разработана втайне. Она состояла в отказе от прежнего метода, когда время заготовок растягивалось на зиму и весну. Плановые задания по заготовкам были объявлены 1 сентября 1929 г., сразу же после окончания жатвы в основных зерновых районах Юга,² и завершение заготовок было запланировано на конец декабря. Предполагалось таким образом помешать крестьянам продать излишки зерна частным торговцам. Одновременно были предусмотрены экономические стимулы — увеличения поставок промышленных потребительских товаров в сельские районы и усилена кампания против кулачества (с целью ослабить сопротивление середняка).

Напряжение усугубила очередная антирелигиозная кампания. Массовые гонения на русскую православную церковь в 1921—1922 гг. были проведены под предлогом конфискации церковных ценностей для помощи жертвам голода. Многие богатые церкви и монастыри в городах были разрушены, священники и монахи сосланы, заключены в тюрьмы, а некоторые даже казнены. Однако в 1922—1927 гг. религиозная жизнь возродилась, особенно в деревнях. В августе 1928 г., по решению ЦК партии были закрыты монастыри, еще действовавшие в сельских местностях. Монахов выслали в Сибирь, монастырские земли отдали новым колхозам и совхозам, а здания были приспособлены под мастерские, гаражи, МТС и зернохранилища.

Этот процесс продолжался до лета 1929 г., когда на антирелигиозном съезде в Москве был создан Союз воинствующих безбожников. Антирелигиозная кампания превратилась в подлинный погром. Местные комсомольские и партийные активисты и приезжавшие из областных и республиканских центров врывались в сельские церкви, громили их, сдирали со стен иконы и другие предметы культа, которые потом нередко попросту сжигались. Местных священников и крестьян, которые пытались вмешаться, арестовывали и высылали. Этот вандализм координировался из центра и имел свою цель. Правительство тайно готовилось к массовой коллективизации. Поскольку церковь могла поддержать крестьянское сопротивление, следовало заранее устранить возможную помеху. Церковная деятельность оставалась вне закона до 1943 г., когда правительство осознало, что религия и церковь — патриотические силы, способные поддержать военные усилия.

Уборочная кампания 1929 г. проходила в атмосфере взаимных опасений и враждебности. Крестьяне не поддерживали правительственную политику и готовы были сопротивляться давлению. Отношение к государству кулаков, середняков и бедняков из числа постоянных сельских жителей было по существу одинаковым. Власти могли рассчитывать лишь на пришлых бедняков („иногородних“), которые составляли значительное меньшинство в некоторых местностях на Украине, Северном Кавказе, Урале, в бассейнах Волги и Дона. В этих районах традиционного казачьего заселения нередко существовала рознь между потомственными казачьими семьями и недавно осевшими в зажиточных селах пришлых переселенцев из перенаселенных бедных районов Центральной России и Белоруссии. Крупные южные села нередко насчитывали по несколько сот дворов, разделенных на несколько сельских общин. Потомственные хозяйства составляли более зажиточные общины, владевшие лучшими, удобно расположенными землями. Пришлые работали батраками и были готовы поддержать гонения на богатых крестьян.

В сентябре в села прибыли сборщики зерна и представители различных заготовительных организаций. Местная милиция и сельсоветы были усилены значительным числом работников ОГПУ — так стал называться аппарат государственной безопас-

ности. На село были посланы специальные отряды партийных и комсомольских активистов, некоторые из них были снабжены мандатами за подписью Сталина, дававшими им чуть ли не диктаторские полномочия. В дополнение к этим огромным силам Центральный Комитет мобилизовал на заготовки более 50 тыс. промышленных рабочих (членов партии и комсомольцев) из Москвы, Ленинграда, Киева и других промышленных центров. Многие из них были вооружены (в 20-е годы членам партии и комсомола было разрешено иметь огнестрельное оружие, которое нередко хвастливо носили на специальных поясах, чтобы оно бросалось в глаза; эта партийная привилегия была отменена в 1936 г., когда некоторые партийцы использовали оружие, сопротивляясь арестам в начале Большого террора).

Как и в предшествующем году, крестьяне пытались спрятать собранный урожай: продавали зерно частным торговцам, использовали его в качестве валюты для уплаты внутридеревенских долгов или оплаты батраков. Но „заготовительная армия” была подготовлена к этому. Уличенных в сокрытии зерна или его перепродаже немедленно арестовывали. Печать была полна рассказами о поимке и арестах нелегальных торговцев и о конфискации зерна. Кулакн, основой состояния которых были не земля и не зерно, а домашний скот, спешили избавиться от части стада. За ними носледовали многие середняки. В ту осень было забито рогатого скота и свиней намого больше обычного. Еще более распространенной была „самолнквидация” кулачества. Из зерновых районов поступали сведения о прямом сопротивлении и стычках; официальная печать обычно возлагала ответственность за это на кулаков, которые, по утверждениям газет, пытались сорвать заготовки и терроризировать власти. На самом деле, хотя у многих крестьян имелись обрезы, принесенные с гражданской войны, они не могли сопротивляться заготовительным отрядам в одиночку.

Члены ЦК партии объезжали страну, осуществляя надзор и интруктурируя местных исполнителей. Эта заготовительная кампания была значительно более жестокой по сравнению со всеми „чрезвычайными мерами” в прошлом. Аресты и высылка крестьян были шире, чем когда бы то ни было. Статья 107 Уголовного кодекса, предусматривавшая полную или частичную

конфискацию имущества за невыполнение поставок зерна, была применена против 6 тыс. хозяйств в районе Средней Волги, против 30 тыс. хозяйств на Северном Кавказе, 33 тыс. — на Украине, 60 тыс. — в Сибири и Казахстане. В целом по стране около 200 тыс. крестьян подверглись конфискациям имущества по этой статье УК.³ Еще шире применялись штрафы, обычно взимаемые натурой. Хотя печать утверждала, что эти меры направлены против кулаков, очевидно, что они затрагивали и середняков. Любое хозяйство, медлившее с выполнением нормы хлебосдачи, клеймилось как кулацкое. Этот термин обозначал не столько степень зажиточности, сколько политическую позицию.

Принуждение давало ожидаемый результат. Крестьяне везли зерно на заготовительные пункты и продавали его государству по твердым ценам. Заготовительные бригады быстро двигались от села к селу. В некоторых районах темпы заготовок были столь высокими, что местные зернохранилища оказались перегруженными. Для хранения зерна не хватало площадей, мешков, транспорта. Плановая цифра — 14 млн. т — была достигнута задолго до окончания 1929 г. Рекордные сроки заготовок рассматривались как великая победа политики партии. Государственные зерновые запасы были восполнены, а 1,3 млн. т зерна пошло на экспорт. Развитие промышленности в 1929—1930 гг. было обеспечено. В городах в изобилии имелось мясо, так как конфискованное имущество обычно включало и скот. Хозяйства, имевшие по две лошади, по две и более коров, по нескольку свиней, считались кулацкими, так что безопаснее было избавиться от лишнего скота. Таким образом, осенью 1929 г. середняки и кулаки забивали скот по политическим мотивам, а не из-за нехватки кормов. В итоге за изобилием мяса в 1929 г. последовала его острая нехватка в 1930 г., когда производство мяса сократилось на 30%.

В 1929 г. правительство победило в войне против крестьян. Но наступавшая зима была временем радикальных решений. Проводить подобные кампании ежегодно было невозможно. Вряд ли можно было рассчитывать, что крестьяне приступят к весеннему севу с желанием хорошо поработать. В 1930 г.

промышленным районам требовалось 15 млн. т зерна, и было весьма маловероятно, что их удастся добыть.

Было два возможных решения проблемы. Можно было возродить НЭП — повысить заготовительные цены на зерновые и другие продовольственные культуры и увеличить поставки потребительских товаров селу. Это означало бы прекращение войны против кулаков и середняков и поощрение их к увеличению производства. При таком решении быстрое развитие промышленности было бы выгодным для деревни. Рынок сельскохозяйственной продукции смог бы расшириться, можно было бы предложить крестьянам больше промышленных товаров, машин и услуг. Промышленность поглотила бы значительные излишки рабочей силы, имевшиеся в деревне. Маловероятно, что производительность общественного сельского хозяйства могла бы резко повыситься, но и здесь были значительные возможности для усовершенствований. Вторым возможным решением было постепенное ускорение темпов коллективизации. Директивы XV съезда партии и пятилетний план указывали именно на этот путь, четко заявляя при этом, что постепенную коллективизацию следует подкрепить технической помощью и сельскохозяйственными машинами. Механизация помогла бы крестьянам понять преимущества новой системы. Согласно плану, темпы коллективизации намечалось ускорить в 1931 году, когда несколько вновь строящихся фабрик и заводов уже должны были начать производство тракторов и других сельскохозяйственных машин. Тем временем, следовало провести расширение в уже созданных колхозах и совхозах, хозяйственные усовершенствования, построить помещения для колхозного скота. Было неясно, как следует поделить землю между теми, кто вступил в колхозы, и теми, кто остался в общине или выделен из нее для ведения единоличного хозяйства. Было неясно, как должны сложиться отношения между сохранившимися общинами и колхозами. Колхозы и совхозы не предлагали никаких решений, так как они или были созданы для поднятия целины или на землях крупных поместий и церкви, не распределенных между общинами в 1917 г. Это были кооперативы — промежуточная форма между артелью и колхозом; крестьяне сообща обрабатывали землю и владели машинами. Среди членов

кооперативов середняки или даже члены традиционных общин были редки. Со времени своего формирования в 1918 г. кооперативы привлекали безземельных крестьян и батраков-мигрантов, сельскохозяйственных рабочих, бывших солдат или энтузиастов кооперации, оставивших города во время гражданской войны. Кроме того, кооперативов было так мало, что многие жители деревни ничего о них не знали и не могли видеть в них альтернативу общине. Тем не менее, было бы разумно расширить масштабы деятельности кооперативов и использовать их как опытную площадку для планируемых амбициозных программ. Было бы также целесообразно ускорить создание совхозов на целнных землях в волжских и донских степях, продуктивность которых уже была доказана.

В 1918 г. в России было 1600 кооперативных сельских хозяйств, а к 1920 г. их число выросло до 10 тыс.⁴ Многие из них основали демобилизованные солдаты-крестьяне, не желавшие или не имевшие возможности вернуться в свои хозяйства. Первый Всероссийский съезд колхозников состоялся в Москве в декабре 1919 г. Ленин произнес на съезде основной доклад, впоследствии окрещенный „ленинским планом социалистического преобразования деревни”. Он был весьма осторожен в формулировках и старался подчеркнуть необходимость постепенности и сдержанности при проведении реформ:

„Воздействовать на миллионные мелкие крестьянские хозяйства можно только постепенно, осторожно, лишь удачным практическим примером, ибо крестьяне — люди слишком практичные, слишком крепко связанные со старым земельным хозяйством, чтобы пойти на какие-либо серьезные изменения только на основании советов и указаний книжки”.⁵

Ко времени Второго съезда колхозников в Москве в феврале 1921 г. существовало уже 16 тыс. кооперативов. В дальнейшем увеличение их числа происходило медленно — к 1927 г. их было 18 тыс. В среднем кооперативы были значительно меньше, чем общины: 14—15 хозяйств на кооператив с земельной площадью примерно 140 га и с 11 рабочими лошадьми.

Однако земля кооператива была собрана воедино, и посевы осуществлялись по многопольной системе. Многие кооперативы получали от государства высококачественный посевной материал и достигли высокой продуктивности: в 1926/27 г. урожайность зерновых в кооперативах была выше, чем в общинах на 21%; в кооперативах производилось также больше товарного зерна на каждое хозяйство. В 1928 г. активная пропаганда и „чрезвычайные меры“ привели к резкому росту числа кооперативов. Большинство членов новых кооперативов были бедняками, которые хотели объединить свои наделы; они присоединялись к уже существующим колхозам, а если их не было в округе, создавали новые. Большинство новых колхозов было даже меньше созданных ранее. Это были непрочные объединения производителей, а не настоящие колхозы с машинами, обществленным оборудованием и стадом: землю обрабатывали сообща, имея кое-какие машины, но лошади и коровы оставались в собственности отдельных хозяйств.

В 1928 г. в Москве был создан Всесоюзный центр по координации деятельности развития колхозов. Колхозцентр начал подготавливать целинные земли в бассейне Волги, на Северном Кавказе, в Казахстане и Сибири к созданию крупных коллективных хозяйств. Это была первая программа освоения целинных земель. Новые колхозы получали от 2 тыс. до 20 тыс. га земли (крупнейший созданный тогда колхоз „Степной гигант“ до сих пор существует в Казахстане). К 1929 г. общая площадь колхозных земель достигла 1 млн. га. Специальным декретом правительства намечалось расширить земли новых колхозов до 3,9 млн. га.⁶

Можно было также увеличить число новых совхозов. Многие из них были организованы после 1918 г. на основе особо крупных имений, земли которых не были распределены среди крестьян. Нередко это были специализированные хозяйства, работавшие в комплексе с предприятиями пищевой промышленности — сахарными заводами, табачными фабриками, а также конные заводы, животноводческие и садовые хозяйства. Такие совхозы и смежные с ними предприятия были объединены в тресты. К 1925 г. на целинных землях Северного Кавказа, Казахстана и Сибири началось осуществление специальной

программы развития зерносовхозов. Если мелкие колхозы опирались на местные ресурсы и помощь местных властей, то совхозы получали значительные капитальные средства от государства. Они были лучше механизированы, так как все новое сложное оборудование и импортные тракторы шли им. Крупнейший в Советском Союзе совхоз „Гигант“ был организован в Сальских степях на Северном Кавказе в 1928 г. на 150 тыс. га целинной степи, которая никогда не соблазняла местных крестьян из-за частых засух. Позднее этот совхоз стал испытательным полигоном для различных систем борьбы с засухой.

В 1928 г. общая численность колхозов достигла 1 млн. В результате сильного давления к 1 октября 1929 г. их численность возросла до 1,9 млн.⁷ Этот показатель был чрезмерным, и было бы целесообразно оставаться, по крайней мере, на этом уровне и в 1930 г., попытаться повысить продуктивность колхозов и совхозов, дав им щедрую помощь и направив туда дополнительные средства. Колхозы и совхозы могли бы дать государству 4—5 млн. т зерна и таким образом снизить бремя заготовок в частных общинах и ослабить напряженность в деревне.

Таковы были два реальных и рациональных пути решения зерновой проблемы в течение 1930—1931 гг. Оба пути имели влиятельных сторонников в партии (никто из них не пережил Большого террора), и осенью 1929 г. в партийных и правительственных кругах шли острые дискуссии о решении зерновой проблемы. В ходе дискуссии, 7 ноября 1929 г., в годовщину Октябрьской революции, Сталин опубликовал в „Правде“ статью „Год великого перелома“. В этой роковой статье он высказался не в пользу одного из этих путей, а за более радикальное решение проблемы.

2. Ликвидация кулачества

Хотя Сталин не призывал к немедленной массовой коллективизации, стало ясным, что его главная цель состоит в этом. Он провозгласил решительное наступление социализма против капиталистических элементов города и деревни (что означало конец НЭПа) и коренную перемену в развитии нашего сельского

хозяйства от мелких отсталых индивидуальных хозяйств к крупному передовому сельскому хозяйству (что означало ускоренную коллективизацию). При этом он сделал предсказание, о котором впоследствии вспоминали нечасто:

„И если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире”.⁸

После жестоких акций 1929 г. численность крестьян, присоединившихся к колхозам, возросла. Принимая во внимание кампанию террора против кулаков, это следует рассматривать скорее как способ самозащиты, нежели как подлинное общественное движение. Однако Сталин (вероятно, преднамеренно) истолковал это неверно и преувеличенно, заявив:

„Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год”.⁹

На самом деле, когда Сталин писал статью, лишь 4% крестьянских хозяйств считались „коллективизированными”, и это вряд ли можно было рассматривать как достаточное основание для провозглашения коренного перелома или изменение позиции середняка.

Через несколько дней, 10 ноября 1929 г., программе ускоренной коллективизации был посвящен специальный пленум ЦК. Молотов, сменивший Рыкова на посту председателя совнаркома (от которого Рыков отказался в 1928 г. в знак протеста против „чрезвычайных мер”), представил основной доклад. Пленум исключил из политбюро Рыкова и Бухарина, покончив

с правой оппозицией, официально заклеяв ее как „защита кулачества”. Хотя не были приведены какие-либо данные или показатели коллективизации, было дано понять, что не менее 50% товарного зерна должны дать колхозы. Пленум провозгласил „решительное наступление против кулачества” и предложил принять меры против проникновения кулаков в колхозы. По итогам статьи Сталина и решениям пленума политбюро создало Специальную комиссию по коллективизации под председательством Я. А. Яковлева, назначенного наркомом земледелия. Наркомзем, Колхозцентр и Комиссия по коллективизации приступили к подготовке разрядок по коллективизации для каждого района и разработке инструкций по осуществлению этого процесса. Первоначальные рекомендации предусматривали достижения 30–40% коллективизации в 1930 г. и 70–80% — в 1931 г. Главные зерновые районы предполагалось коллективизировать полностью, а коллективизацию в бедных сельскохозяйственных районах Севера и в неславянских районах Средней Азии и Закавказья провести медленнее. Главная часть программы состояла в уничтожении кулачества.

Хотя в 1927–1928 гг. против кулачества предпринимались жесткие меры, специалисты Наркомзема и сельскохозяйственной комиссии ЦК знали, что оно представляет собой наиболее эффективную и профессиональную часть крестьянства. Но позиция политбюро была совершенно ясна: пришло время „ликвидации кулачества как класса” путем арестов и высылки. Даже если кулаки составляли всего 4% крестьян, потребовалось бы управиться с 5–6 млн. людей разных возрастов. Хотя государство уже располагало развитой системой тюрем и трудовых лагерей, их было недостаточно для того, чтобы справиться с последствиями репрессивных мер таких огромных масштабов.

Яковлев был известен как ярый враг кулачества. Тем не менее план, подготовленный Специальной комиссией, был признан чересчур умеренным. По этому плану, кулаков разделяли на три основных группы. В первую включались активные противники коллективизации и вовлеченные в контрреволюционную деятельность. Членов этой группы намечалось арестовать, а их семьи выслать в отдаленные районы страны (в Сибирь и на Северный Урал). Вторая группа — противящиеся коллективиза-

ции, но не вовлеченные в активный саботаж. Их предлагали выселить из родных мест и переместить на целинные земли и в слаборазвитые районы Европейской России и Казахстана. Третью группу составляли кулаки, лояльные к советской власти (прежняя служба в Красной армии, поведение во время гражданской войны и т. п.), готовые вступить в колхозы. Рекомендовалось дать им возможность поработать в колхозах в течение трех—пяти лет. Тот, кто во время этого испытательного срока хорошо себя зарекомендует, сможет стать полноправным колхозником. Комиссия не дала оценок численности каждой группы, но исходила из того, что третья группа будет самой многочисленной, а в первую группу войдет примерно 60 тыс. человек. Рекомендации комиссий горячо обсуждались на специальном заседании политбюро в декабре и были одобрены с незначительными поправками. Для ЦИКа оставалось лишь превратить их в декрет.

До обращения к событиям 1929—1930 гг. полезно рассмотреть, кого официальная пропаганда описывала как темную реакционную часть крестьянства, а плакаты изображали как террористов с обрезками в руках. У Ленина можно найти немало противоречивых оценок политической позиции крестьянства, которые нередко цитировались в 1928—1929 гг. для оправдания той или иной акции. Иногда он заявлял, что к капиталистическим элементам следует относить только тех, кто эксплуатирует других или держит наемных работников.¹⁰ Средняки, живущие со своего небольшого надела, не принадлежат к капиталистам. Однако нередко Ленин утверждал, что единоличное крестьянство представляет собой „последний капиталистический класс”¹¹ или род „примитивного капитализма”.¹² Другая его абсурдная идея состояла в том, что даже если крестьянин не держит наемных работников и не эксплуатирует чужого труда, он эксплуатирует себя и свою семью.

В 20-е годы, когда большинство крестьянства принадлежало к земельным общинам и получало наделы по общим правилам, благосостояние хозяйства зависело не от размеров надела, а от количества лошадей, скота и сельскохозяйственного оборудования, а также от способности к тяжелому труду. В 1927 г. Центральное статистическое управление разделило крестьянские хозяйства на три группы по стоимости средств производства,

имевшихся у них (лошади, скот, машины, оборудование). Бедняцкими считались хозяйства, не имевшие рабочей лошади и с общей стоимостью средств производства менее 200 рублей. К этой категории относились 26,1% всех хозяйств. Средняки имели 1—2 лошади, а общая стоимость их средств производства составляла от 201 до 1600 рублей. Они представляли 70,7% всего крестьянства. Небольшая группа, 3,2% всех крестьян, была отнесена к кулакам, владевшим средствами производства на сумму свыше 1600 рублей.¹³ Хотя ныне 1600 рублей — небольшая сумма, в 1926/27 г. советская валюта котировалась высоко. Годовой доход промышленного рабочего составлял 600—700 рублей, а рыночная цена рабочей лошади в 1927 г. была 140—150 рублей. И все же обладание стадом и оборудованием на сумму 1800—2000 рублей еще не означало подлинной зажиточной жизни. Такие хозяйства были „богатыми” только потому, что там ели лучше и они могли выделить часть продовольствия на продажу. Они получали прибыль лишь от собственного труда. Нередко говорили тогда, что кулаки эксплуатируют бедняков, давая им в аренду лошадей и оборудование. Фактически это было совершенно законно, так делали и середняки, и это, по существу, было нормальным способом общинной помощи беднякам. Подсчитано, что середняки ежегодно получали от сдачи в аренду лошадей и инструментов 15 рублей, а кулаки 70 рублей, т. е. весьма скромные суммы по любым стандартам.¹⁴

В 1922 г., после общего перераспределения земли, только 0,2% крестьянских хозяйств были классифицированы как кулацкие. Однако НЭП стимулировал частную инициативу и возможность получать вознаграждение за тяжелый труд. Были изданы законы, активно поощрявшие кулаков производить как можно больше. Они оставались членами общины и работали полностью в рамках закона. Официальное изображение кулаков как преступников было совершенно надуманным; напротив, именно политика государства в отношении кулаков и остальных крестьян была преступной и противозаконной даже по советским меркам.

В конце декабря 1929 г. в Москве собралась первая всесоюзная конференция аграрников-марксистов. Главным вопросом на конференции был вопрос о том, что делать с кулаками.

Никто из участников конференции не предложил их уничтожение как лучшее из возможных решений. Но на заключительном заседании Сталин высказался в пользу крутой позиции:

„...Мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса... Раскулачивание... представляет... составную часть образования и развития колхозов... Снявши голову, по волосам не плачут“.¹⁵

При обсуждении проекта программы Комиссии по коллективизации на политбюро Сталин возражал против идеи разрешить „лояльным кулакам“ вступать в колхозы. Он считал, что „лояльных кулаков“ не бывает, и настаивал, чтобы все кулаки были отлучены от колхозов и выселены. Вследствие его настойчивости поправки к программе изменили масштабы операции по „уничтожению“.

В самом начале 1930 г. местным властям были разосланы партийные инструкции. Коллективизация и конфискация имущества кулаков и их высылка уже начались, когда 4 февраля 1930 г. ЦИК и Совнарком опубликовали совместное постановление с соответствующими рекомендациями. Главы 60 тыс. контрреволюционных кулацких хозяйств должны были быть арестованы ОГПУ и без суда отправлены в тюрьмы и лагеря, их имущество конфисковано, а семьи выселены. Сопrotивляющиеся должны были быть приговорены к смертной казни. Вторая группа составила 150 тыс. человек. В нее включили тех, кто были кулаками и владели частными наделами до революции, но после 1917 г. вернулись в общины. Эти списки составляли на местах группы бедняков и бывших батраков. Имущество внесенных во вторую группу подлежало конфискации, а сами они вместе с семьями высылались в отдаленные районы. Еще 500—850 тыс. крестьян, ставших кулаками позднее и лояльных к советской власти, получали запрет на вступление в колхозы, их тоже выселяли из деревень за пределы колхозной земли, но в родных местах и с сохранением имущества.

При всей жестокости и несправедливости этого постановления, методы его проведения в жизнь были еще более жестокими, а сроки сжатыми. Уничтожение кулачества как класса было предписано завершить до весеннего сева. В результате содержащиеся в постановлении инструкции повсеместно нарушались армией почти в миллион вооруженных людей, мобилизованных для уничтожения кулачества как класса. В феврале в сельские местности прибыли крупные отряды ОГПУ для организации временных тюрем и пересыльных лагерей. Численность милиции была увеличена, а местные группы партийных, комсомольских и советских активистов милитаризованы. Имелась инструкция при необходимости вызывать гарнизоны регулярной армии. ЦК дал указания 25 тыс. ветеранам партии, а также „передовым рабочим“ Москвы, Ленинграда и других промышленных городов помогать коллективизации. Фактически численность рабочих, посланных в деревню, была значительно большей. На проведение этой акции мобилизовали прокуроров, чтобы придать ей видимость законности; увеличили число местных судов и трибуналов. В каждом районе была создана специальная комиссия по раскулачиванию, которая руководила так называемыми тройками, состоящими из представителей местной парторганизации, сельсовета и бедняков. Тройки могли создавать специальные комитеты по подготовке списков кулаков, разделяя их на три категории, согласно постановлению Совнаркома, и производить перепись имущества, средств производства и скота, подлежащих конфискации. Тройки были уполномочены принимать все меры, необходимые для завершения коллективизации в районе. Им помогали армия, ОГПУ и милиция, готовые справиться с возможным сопротивлением. Конфискованные машины, скот и дома передавались колхозам, которые создавались одновременно с проведением раскулачивания.

Разумеется, выполнить план в точности было невозможно. Не только кулаки сопротивлялись коллективизации. Многие из них ради самосохранения присоединились бы к колхозам добровольно. Но многие середняки и даже бедняки не хотели вступать в колхозы. Это объясняли кулацким влиянием и пропагандой, и крестьян, не желавших вступать в колхозы, стали называть подкулачниками. Их тоже включали в группы подлежащих

аресту и высылке. Подлежали аресту также местные торговцы, владельцы мельниц, священники и другие „паразитические элементы”, так что масштабы кампании террора быстро росли. Семьям кулаков и подкулачников было разрешено взять с собою только то, что они могли унести на себе. Места, куда их высылали, не были подготовлены. Они передвигались пешком или в товарных вагонах в районы Урала, Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, в арктические районы Европейской России. Кошмар перемещения продолжался неделями, и множество стариков и детей умирало в пути. Когда люди прибывали на место, там часто не было ни домов, ни бараков. Самые тяжелые зимние месяцы приходилось проводить в чаще уральских лесов, в сибирской тайге, в степях Казахстана. Многие умерли от голода, холода и болезней. Никто не знает численности погибших. Чудом было, что кто-то остался в живых. Весной выжившие пытались подготовить землю под посев. Они знали, что никто не позаботится об их пропитании. Летом они начали строить новые деревни. Так возникли тысячи „спецпоселений”. Их обитателям — мужчинам, женщинам, старикам и детям — было запрещено выходить за пределы поселений. Этот запрет был снят лишь в декабре 1941 г., когда для зимнего контрнаступления под Москвой армии срочно понадобились новые рекруты из Сибири и Дальнего Востока. Мужчинам из спецпоселений было разрешено служить в советской армии, впрочем, как правило, — в штрафных батальонах. После войны они вернулись к семьям как ветераны, многие стали инвалидами. Спецпоселения были выведены из-под контроля милиции. В 1946 г. они были приравнены к обычным колхозам и совхозам.

Трудно оценить численность арестованных и казенных кулаков первой категории, но она наверняка превышает предполагавшиеся первоначально 60 тыс. Нензвестно также в точности, сколько семей было выслано. Данные официальных советских источников противоречивы. На пленуме ЦК в январе 1933 г. было сообщено, что экспроприации подверглись 240.757 кулацких хозяйств. В более объективном исследовании Данилова отмечается, что 330 тыс. семей всех трех категорий были экспропрированы и переселены, а их главы арестованы.¹⁶ Таким образом, было выслано 1,6—2 млн. человек. Но это только в первой

волне раскулачивания. Общие цифры были, вероятно, намного больше. В 1929 г. в российском селе было несколько более 24 млн. единоличных хозяйств. Через несколько лет было сообщено, что 17 млн. хозяйств вступило в колхозы, и это означает 90%-ную коллективизацию (в 1937 г. было 18,4 млн. коллективизированных хозяйств). Следовательно, 5 млн. хозяйств исчезли. Никто не знает, сколько было выслано, сколько бежало в города, сколько погибло во время голода 1932—1933 гг. Ясно одно — коллективизация стоила огромного числа человеческих жизней.

Процент коллективизированных хозяйств поднялся еще выше после февральской кампании раскулачивания, и в марте многие районы докладывали, что 70—80% всех хозяйств коллективизированы. От крестьян требовали в качестве вступительного взноса передать в колхозы лошадей и скот. Сельскохозяйственное оборудование тоже обобществлялось. Сопротивление крестьян проявилось в массовом забое скота и птицы. Только в феврале было забито 14 млн. голов крупного рогатого скота, треть свиней, четверть поголовья овец и коз. Это было катастрофой! Погибли не несколько миллионов лошадей. В возникшей обстановке хаоса земельным комиссиям было трудно принимать решения о том, какие участки земли будут прикреплены к колхозу, а какие предоставлены в пользование единоличникам. Все это происходило зимой, когда земля была покрыта снегом. Никто не хотел уничтожить озимые посевы, которые занимали около 40 млн. га частных полос (почти четверть всех посевов зерновых), принадлежащих частным хозяевам. Коллективизация и раскулачивание разрушили инфраструктуру сельских общин. Колхозы обычно забирали себе лучшие земли, оставляя единоличникам более отдаленные участки. Но перераспределение земли проводилось поспешно: у новых колхозов не было эффективного руководства, не было планов сева, и колхозники не были распределены по бригадам. Сталин, наконец, пришел в себя и осознал, что сельскохозяйственный год может быть полностью потерян, если не отступить от инструкций, породивших анархию.

В „Правде” от 2 марта 1930 г. была опубликована его знаменитая статья „Головокружение от успехов”. Сталин обвинил

местных работников в „левом уклоне”. Они исказили линию партии, допустили репрессии и произвол, расширительно толковали термин „кулак”, терроризировали крестьян и нарушали социалистическую законность. Зимний „перелом” был отменен, и селу было велено продолжать прежнюю жизнь. Сталин полагал, что посевная кампания будет проведена, как если бы ничего не произошло, и коллективизацию будет возможно возобновить в сентябре после уборки урожая. Он настаивал на соблюдении принципа добровольности:

„Нельзя насаждать колхозы силой... Кому нужны эти искривления, это чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов!”¹⁷

Сталин не предусмотрел эффекта, который произведет его статья. Он полагал, что коренной поворот села к социализму можно считать обеспеченным, и рассматривал 50%-ную коллективизацию в основных сельскохозяйственных районах как успех. Вскоре после публикации статьи ЦК принял резолюцию „О борьбе с искажениями линии партии в колхозном движении”. Применение силы было прекращено, и крестьянам было разрешено оставить колхозы, если они того пожелают. Результатом был массовый выход из колхозов. К 1 июля 1930 г. в колхозах осталось менее 6 млн. хозяйств — примерно четверть всех бедняков и середняков, около 30% всего сельского населения. В некоторых районах почти все колхозы были распущены.

Но перемена политики не помогла тем, кто уже был в тюрьмах, лагерях или на пути к местам высылки. В постановлении ЦК признавалось, что в ряде районов „раскулачивание иногда включало часть середняков и даже бедняков, и в некоторых районах было раскулачено до 15% дворов и лишено избирательного права 15–20% крестьян”. Партийным организациям было указано исправить ошибки и прекратить все акции против середняков, бывших красноармейцев, красных партизан и их семей. Им было разрешено вступать в колхозы. Но тех, кого уже арестовали или выслали, не вернули.

В ходе выполнения новой резолюции неизбежной была

величайшая неразбериха. Перераспределение земли в южных районах проводилось уже в разгаре носевой кампании. Семьи, оставшиеся в колхозах, не желали возвращать лучшие участки единоличникам. Те, кто уходил, требовали вернуть их оборудование и скот. Они требовали вернуть также посевной материал, отданный колхозу. Формальные инструкции были опубликованы только 12 апреля 1930 г. (в совместном постановлении ЦИК и Совнаркома „О мерах содействия расширению посевных площадей единоличных хозяйств”), когда весенний сев в основных зерновых районах обычно шел уже полным ходом. Эти инструкции усилили неразбериху и нанесли весеннему севу тяжелый ущерб. Посевная задерживалась повсюду и была завершена на месяц позже обычного срока. Однако природа оказалась неожиданно щедрой: весна 1930 г. была необычайно холодной, и благоприятная для сева погода задержалась на 20–25 дней. Это спасло урожай 1930 г.

3. Вторая волна коллективизации

Холодная зима, подобная сдвинувшей сроки посевов в 1930 г., обычно хороша для озимых: она обеспечивает лучшую вегетацию и повышает урожай. Хороший урожай озимых, высеянных еще в 1929 г., несколько возместил потери от носевов яровых весной 1930 г., урожай которых был, несомненно, ниже, если принять во внимание высылку сотен тысяч хозяев и дезориентацию тех, кто остался. Вполне возможно, что урожай в целом был нормальным, но нет никаких надежных данных подтверждающих это. Местные отчеты обычно фальсифицировались, чтобы показать, что вновь созданные колхозы более продуктивны, чем единоличные хозяйства. По некоторым официальным данным, урожай оценивался в 85 млн. т, по другим — в 77 млн. т. Продукция животноводства, однако, чрезвычайно понизилась, и поголовье всех видов скота сократилось. В итоге меньше зерна требовалось на корм скоту, и можно было сдать больше на заготовки. Чтобы покрыть дефицит мяса, птицы и молочных продуктов, правительство повысило задание по заготовкам зерна и других продовольственных культур до

23 млн. т товарного хлеба. Выполнить такое задание было нелегко.

Ожидалось, что не менее половины заготовок обеспечат колхозы и совхозы, которым были отданы лучшие земли. Едиличные хозяйства оказались под тяжелым давлением новой „контрактной системы” поставок. Задачей ее было показать, что те, кто вступил в колхозы, выиграли: после выполнения обязательных поставок у них останется больше продовольствия. Общины распались, и большинство единоличников закрепили за собой наделы, став мелкими индивидуальными фермерами. Власти понимали, что будет трудно вовлечь их в колхозы, и намеревались продемонстрировать невыгоды пребывания в единоличном секторе. В ноябре 1930 г. план заготовок был изменен: для колхозов и совхозов задание было снижено до 7 млн. т, а для единоличных хозяйств оно было установлено на уровне 14 млн. т — это равнялось плану по всей стране в 1929 г. Вновь были введены „чрезвычайные меры” в небольших масштабах, раскулачивание продолжено, и с некоторыми затруднениями задание было выполнено. Государство получило около 22 млн. т зерна, но продолжалась острая нехватка мяса и другого высококачественного продовольствия. С окончанием жатвы и выполнением плана заготовок кампания по коллективизации возобновилась.

Официальный план предусматривал достичь 50%-ной коллективизации к концу 1931 г. Были приняты меры, чтобы облегчить этот процесс. В пятилетний план внесли поправки с целью ускорить завершение строительства Сталинградского тракторного завода и Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения, рассчитывая начать отечественное производство тракторов в 1931 г. Ранее тракторы производил лишь Путиловский завод в Ленинграде, где они были лишь частью многообразной продукции предприятия. Годовой выпуск тракторов в 1929 г. составил лишь 3 тыс. В 1930 г. выпуск тракторов удвоился, и еще 6–7 тыс. тракторов импортировали. В 1931 г. ввоз был увеличен, чтобы возместить потерю 3 млн. лошадей, забитых в ходе раскулачивания. Но тягловой силы по-прежнему не хватало. Тракторные заводы строились в Харькове и Челябинске, и была надежда, что „Ростсельмаш” начнет в 1931 г. производство зерновых комбайнов.

Чтобы заткнуть рты критикам ускоренной коллективизации, кампания террора была перенесена из деревни в города. 3 сентября 1930 г. центральные газеты сообщили, что с помощью ОГПУ раскрыта контрреволюционная организация „Трудовая крестьянская партия” (ТКП). Ее якобы возглавлял известный ученый-аграрник профессор Н. Д. Кондратьев, сообщниками которого были Л. Н. Юровский, А. В. Чаянов и А. Г. Дояренко, также ученые-аграрники. Указывалось, что численность членов ТКП достигала 100–200 тыс., и сообщалось о широкой сети ее агентов в различных государственных учреждениях, таких как Наркомзем, Госплан, Хлебоцентр и Наркомторг. Тысячи служащих и специалистов были арестованы. Это было копией операции с ранее раскрытой „Промпартией”, которой никогда не существовало, но процесс которой тем не менее привел к осуждению и казни десятков „руководителей”. ТКП была изобретена, чтобы стать козлом отпущения за нехватку продовольствия, особенно мясопродуктов. „Признания” большой группы работников Наркомторга были опубликованы 22 сентября 1930 г.: почти все сотрудники отдела продовольственной торговли были отданы под суд как „агенты империализма” за саботаж и намерение организовать голод. Они были объявлены виновниками падения производства мяса. ОГПУ сообщило, что некоторые видные работники Наркомторга в прошлом были помещиками. Группу возглавлял, сообщалось в обвинении, профессор Е. С. Каратыгин, заместитель председателя Научного совета по пищевой промышленности, и профессор А. В. Рязанцев. После короткого суда все они были признаны виновными и приговорены к смерти без права апелляции. Еще 46 специалистов и ученых были казнены почти сразу же после процесса. Об их казни „Правда” сообщила 25 сентября 1930 г.

Ныне точно установлено, что „Трудовой крестьянской партии” никогда не существовало, и признания на процессах были получены под пытками или просто вымышлены. Очень немногие из видных ученых-аграрников, арестованных в 1930 г., остались в живых, но я знал одного из этих немногих. В 50-е годы, когда я работал в отделе агрохимии и биохимии Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, я встретил профессора Алексея Григорьевича Дояренко. До

ареста он был среди виднейших профессоров Академии как автор многих книг по сельскому хозяйству. Он начал работать в академии в 1898 г. и был пионером создания опытных станций в сельском хозяйстве. В 1930 г. Дояренко был приговорен к пяти годам заключения и отбыл их в Суздальской тюрьме, а затем сослан. После войны ему было разрешено работать в Саратове, но к преподаванию его не допускали вплоть до официальной реабилитации в 1955 г. Последняя книга Дояренко „Из агрономического прошлого“ была опубликована вскоре после его смерти в 1958 г. Ныне он почитается как великий ученый, и в 1980 г. в серии биографий выдающихся деятелей науки, издаваемой Академией наук СССР, вышла его биография.¹⁸ В этом жизнеописании есть длительный пробел, оставленный без объяснений, так как тот факт, что дело ТКП было сфабриковано, никогда не был признан.

Таблица 1. Лошади и скот в Советском Союзе
(млн. голов)

Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы
1928	33,2	66,8	22,0	107,0
1929	32,6	58,2	19,4	97,4
1930	30,2	50,6	14,2	93,3
1931	—	42,5	11,7	68,1
1932	—	38,3	10,9	47,6
1933	17,3	33,5	9,9	37,3

Источник: Народное хозяйство СССР в 1956 г. и 1963 г.
(стр. 128 и 311 соответственно)¹⁹

При возобновлении коллективизации осенью 1930 г. „принцип добровольности“ не дал желаемых результатов. Вновь стали применять различные формы давления и принуждения, включая раскулачивание. На пленуме ЦК в декабре 1930 г. задания были повышены: от Украины, Северного Кав-

каза и бассейна Волги требовалось „не менее 80% коллективизации“ и завершения процесса ликвидации кулачества. План для Центральной черноземной зоны, Казахстана, Урала и Сибири остался прежний — 50%. С нечерноземными районами севера и запада Европейской части поступили более великодушно. Здесь в основном производился картофель, овощи и молочные продукты, и правительство не планировало поставлять в эти районы какого-либо нового оборудования.

Согласно официальной советской статистике, в 1931 г. было произведено 37.900 тракторов, а в 1932 г. — 48.900. Тем не менее нехватка лошадей ощущалась по-прежнему остро. Кроме того, коллективизация по-прежнему отзывалась сокращением поголовья скота и лошадей. С другой стороны, потери скота, видимо, облегчали проведение коллективизации, так как, оставшись без лошади, крестьянское хозяйство не имело иного выхода, кроме вступления в колхоз. Потери скота в годы коллективизации показаны в табл. 4. Два-три тракторных завода не могли возместить убыли более 15 млн. лошадей. Больше чем на 50% сократилось число свиней, жестоко пострадало стадо овец и коз. Если бы программа коллективизации ограничилась землей и не затронула стада, ущерб для сельского хозяйства был бы гораздо менее тяжелым. Вновь создаваемые колхозы не были в состоянии управиться с коллективизированным скотом, уход за ним был совершенно некомпетентным. Еще в 1941 г., в канун войны, поголовье скота не достигло уровня 1929 г. Потери поголовья в годы войны оказались меньшими, чем в годы коллективизации. Уровень 1929 г. был достигнут по поголовью лишь к 1958 г., но если принять во внимание рост численности населения (как в результате естественного прироста, так и вследствие присоединения новых территорий), то доля мяса и молока в рационе питания среднего жителя страны достигла уровня 1928/29 г. лишь в 1961 г.

В официальной советской статистике имеются данные об уровне коллективизации по годам за 1927—1932 гг., но отсутствуют данные за 1933—1935 гг. Считается, что коллективизация была завершена в 1937 г. Тогда еще оставалось около 1 млн. единоличных хозяйств, колхозные земли составили 99,1% всех обрабатываемых земель. Период с 1933 по 1935 гг. советские

историки предпочитают не вспоминать. Это были годы страшного искусственно созданного голода, ужасной катастрофы, стоившей жизни 6 млн. человек. Эта трагедия была прямым следствием ошибок, глупости, противоречивости и неверных оценок, внутренне присущих сталинской политике форсированной коллективизации.

4. Голод 1932—1933 гг.

Задание по 50%-ной коллективизации было перевыполнено, но итоги оказались совсем не такими, которых ожидали власти. Крестьяне нечерноземных районов и большой территории, ограниченной с запада линией Москва—Ленинград, а с востока Уралом, не противились коллективизации. Это были зернопотребляющие районы, которые не производили товарных излишков зерна. Деревни были перенаселены, кулаков было мало, крестьяне были бедны и зависели от временной работы в окрестных городах. „Чрезвычайные меры” и кампания раскулачивания коснулись этих районов значительно меньше, чем зажиточных сел Украины и Северного Кавказа.

На юге и в Сибири положение было совершенно иным. Там крестьяне в течение многих поколений были свободными поселенцами и гордились своей историей хозяйствования. Здесь середняки были намного богаче, чем кулаки в нечерноземных районах. В 1931 г. здесь более 50% крестьян вступили в колхозы, но это в основном были бедняки или сравнительно новые жители в этих местах. Старожилы неохотно шли в колхозы по той причине, что они были весьма зажиточны и не хотели лишаться свободы. С распадом общин их независимость возросла. Не вступившие в колхозы, стали самостоятельными хозяевами на своих наделах. Многие колхозы, значившиеся в отчетах 1932 г., существовали только на бумаге.

Урожай 1932 г. был примерно равным урожаю 1931 г., но городское население быстро росло; к тому же правительство хотело увеличить экспорт для оплаты иностранных машин и технологии. Задания по поставкам увеличили, но твердые заготовительные цены сохранили. Приоритет тяжелого машино-

строения, установленный в первом пятилетнем плане, стимулировал инфляцию, которая в течение 1932 г. достигла 30%. Розничные цены на зерно и мясо были по меньшей мере вдесятеро выше, чем заготовительные цены. В районах, где коллективизация, по отчетам, достигла 60—70%, большую часть заготовок предписывалось получить с колхозов. Однако условия работы в колхозах, которые стали складываться в 1931 г., не привлекали крестьян. Согласно установкам, первой обязанностью колхозов была сдача госпоставок. Начиная жатву, прежде всего сдавали хлеб государству в соответствии с заданием, весьма высоким. Затем засыпали семенной фонд, делали заготовки зерна на корма и в страховую фонд, а также оплачивали работы, проделанные МТС. Только после этого оставшийся урожай мог быть распределен среди семей колхозников. Размер оплаты зависел от объема работы, проделанной семьей в колхозе. Работа измерялась в трудоднях. Небольшая часть зерна и других продуктов выдавалась авансом (10—15% предполагаемого заработка семьи), но окончательный расчет производился лишь в декабре. Однако представители государства, опасаясь, что крестьяне могут спрятать собранное зерно, требовали начинать поставки сразу после окончания жатвы. Такая система была крайне непопулярной. Зрелище потока зерна, текущего на заготпункты, весьма замедляло уборочные работы. В некоторых районах не менее 60% собранного урожая изымалось государством, и это отбивало у крестьян всякую охоту к их тяжелому труду. Весной и летом 1932 г. многим не хватало продовольствия на прокорм семьи. К июлю уборка и заготовки далеко отставали от плана, и посев озимых в июле—августе серьезно задерживался. Проявились отчетливые признаки недовольства. Газеты сообщали о запаздывании с уборкой, о прогулах, задержках с обмолотом и общей неразберихе. Все это снова объяснялось сопротивлением кулаков...

Во многих районах люди попросту голодали. Их сопротивление получило название „зерновые забастовки”: они отказывались работать, если не будет существенно увеличен натуральный аванс. Аванс, который они требовали, колебался в пределах от 30 до 50%, что было вполне резонно после года крайне скудного питания. Разгорался конфликт уже не с единолични-

ками, а между государством и колхозами. Колхозники стали осознавать, что до улучшения жизни весьма далеко, что на самом деле они стали жить хуже и оказались в полной зависимости от государства. Раньше выражением их недовольства был отказ продавать зерно. Теперь они отказывались работать. Они собирали колосья и солому для собственных нужд и забивали свиней и коров, для которых так или иначе не оставалось ни зерна, ни других кормов.

Основными очагами сопротивления стали Украина, Северный Кавказ и часть бассейна Волги. Политбюро обсудило меры не только против колхозов, но и против местных руководителей, часть которых, понимая продовольственную проблему, сочувствовала крестьянам. В августе Сталин лично составил проект закона „Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности“, который положил начало целому ряду мер по „охране хлеба“. Меры эти носили по существу полицейский и милитаристский характер, для их осуществления привлекали милицию, армию (включая кавалерийские части) и комсомольские отряды, патрулировавшие в сельской местности.²⁰ Меры эти были еще более жесткими, чем предусмотренные печально знаменитой статьей 107 Уголовного кодекса РСФСР. Вся социалистическая (то есть совхозная) и общественная (то есть колхозная) собственность объявлялась „священной и неприкосновенной“, а посягавшие на нее провозглашались „врагами народа“. Хищение колхозной собственности, включая сбор колосьев на полях, наказывалось смертной казнью или лишением свободы сроком не менее чем на десять лет с конфискацией имущества. Кулаки и спекулянты должны были отправляться в тюрьму или в лагеря на сроки от пяти до десяти лет. Однако новый закон был малоэффективен. Государство могло конфисковать уже собранный урожай, но оно не могло заставить крестьянина работать. Некоторые местные руководители выступили с предложениями о роспуске колхозов. Уровень заготовок оставался низким, и озимые оказались под угрозой. Во многих колхозах голодные люди съели семенной фонд озимых еще весной и летом, и в этих местах руководители вынуждены были просить помощи у государства.

В Москве не слишком хорошо представляли, что делать. ЦК решил ликвидировать Колхозцентр и создать сельскохозяйственный отдел Центрального комитета под руководством Л. М. Кагановича, наделенный весьма широкими полномочиями. При двух тысячах МТС, в основном в зерновых районах, создавались политотделы. Они комплектовались кадрами из промышленных центров и из армии. МТС обеспечивали не только обслуживание машинами, но и политическую власть. Такие же политотделы были в совхозах. Эти политотделы стали плацдармами ЦК в политической сфере и в сфере безопасности. После 1932 г. политотделы МТС и совхозов представляли собой реальные центры власти на селе. О судах и репрессиях сообщала местная печать. Людей казнили за сокрытие зерна, принадлежащего колхозам. Во многих районах Украины, Северного Кавказа и Дона на дорогах были устроены заставы, чтобы воспрепятствовать частной торговле зерном и продовольствием и помешать снабжению населения важнейшими товарами — солью, керосином, мануфактурой, пока не будут выполнены планы заготовок. В отстающих районах закрыли государственные и кооперативные магазины и объявили, что их откроют лишь после выполнения планов госпоставок. В села Юга были направлены чрезвычайные комиссии. Но все эти меры не дали серьезных результатов. Наконец, Сталин послал туда специальную комиссию Политбюро во главе с Кагановичем. В комиссию вошли: первый заместитель начальника ОГПУ Ягода, генеральный секретарь комсомола Косарев, нарком снабжения Микоян, начальник политуправления армии и флота Гамарник и другие руководители высокого ранга. Комиссия создала штаб в Ростове-на-Дону и получила полную власть на Украине, на Дону и Северном Кавказе. В ноябре 1932 г. бюро Северокавказской партийной организации на заседании с участием Кагановича приняло резолюцию об уничтожении саботажников и контрреволюционеров, виновных в неудачах заготовок и сева озимых. Во исполнение этой резолюции население 16 крупных казачьих станиц (по несколько сот дворов в каждой) было арестовано и выслано в Сибирь, Казахстан и на Дальний Восток, а на их место были привезены демобилизованные солдаты и семьи из бедных деревень Севера.

Репрессии распространялись также на местных руководи-

телей. Сотни их были исключены из партии или арестованы. „Правда” сообщила 19 ноября 1932 г. о казни исключенных из партии работников, которые, как было указано в сообщении, утвердили повышение натуроплаты колхозникам, чтобы убедить их приступить к работе. Жатва шла плохо, и давление со стороны заготовителей продолжалось. Правительство все еще исходило из убеждения, что и колхозники и единоличники придерживают какие-то запасы на черный день, и если их отобрать, сопротивление будет сломлено. Лев Колпелев, который в 1932 г. был комсомольцем, участвовал в заготовительной кампании на Харьковщине. Он описывает методы, применявшиеся заготовительными отрядами.²¹ Каждый отряд включал работника ОГПУ и местной милиции, несколько вооруженных активистов-партийцев, а также служащих Наркомзема и заготовительных органов. Отряд двигался от деревни к деревне. Взрослых крестьян собирали в самый большой дом в деревне или в церковь и читали им лекцию по внутреннему и международному положению. Затем собравшимся сообщали, сколько зерна они должны поставить государству. Никому не разрешалось уйти с собрания, пока он не даст обязательства доставить требуемое количество зерна. При таких методах массового шантажа и мучений некоторые сдавались быстро, других приходилось обрабатывать чуть ли не по нескольку дней. Нередко крестьян вынуждали отдавать самое необходимое. Сломив сопротивление одной деревни, бригада переходила в следующую.

Партийная пропаганда писала об антисоветских элементах, засланых в колхозы кулаками. На партийной конференции в Москве Сталин предостерегал против идеализации колхозов.²² В декабре стали проявляться первые явные признаки недоедания и голода в деревне. Первой жертвой оказался домашний скот. Украина и Северный Кавказ — исторически самые богатые сельскохозяйственные районы России и житница Европы — были поражены голодом. Этот голод был вызван не погодными условиями, а насильственной конфискацией всего наличного хлеба. Крестьяне стали уходить из деревни в города, где продовольственное положение было намного лучше. Чтобы воспрепятствовать исходу людей из деревни, на дорогах поставили заграждения и военные кордоны. Вновь ввели старую царскую паспорт-

ную систему, отмененную революцией. Новая система содержала даже больше ограничений, чем дореволюционная. Согласно постановлению ЦИКа и Совнаркома от 27 декабря 1932 г., паспорт получали только жители городов, которые должны были зарегистрироваться в местном отделении милиции. Принять кого-либо на работу без паспорта значило совершить уголовное преступление. Обычная крестьянская практика временной работы в городах в зимнее время была тем самым пресечена. Колхозникам запретили покидать деревни, и о любом передвижении людей следовало сообщать в местную милицию.

Но ни заставы и кордоны, ни новый закон не могли оградить города от голодающих. Имеется много свидетельств об умирающих крестьянах, которые пробирались в города и не получали там ни пищи, ни помощи. Все продовольствие выдавалось по карточкам, и власти не принимали никаких мер, чтобы спасти голодных крестьян. Дело не в том, что у правительства не было запасов хлеба. Не было желания вернуть эти запасы голодающим районам. В то время как крестьяне умирали от голода, советское зерно продолжали экспортировать (правда, количество зерна для экспорта сократилось с 4,8 млн. т в 1930 г. и 5,1 млн. т в 1931 г. до 1,8 млн. т в 1932 г. и 1 млн. в 1933 г.)²³ Кроме того, правительство наложило полный запрет на информацию из районов голода. Многие жители Москвы и Ленинграда ничего не знали о происходящем, хотя истощенные мертвецы на улицах, пока их не подбирали специальные грузовики, стали повседневным явлением не только в маленьких городах Украины, но даже в Киеве и Харькове. В 1921 г. правительство обратилось за помощью к мировой общественности. В 1933 г. было сделано все возможное, чтобы скрыть трагедию не только от внешнего мира, но и от собственного народа.

В то время как на Юге умирали сотни тысяч крестьян, Сталин организовал в Москве Первый всесоюзный съезд колхозников-ударников, утвердивший новый устав сельскохозяйственной артели. Цель партии, по Сталину, состоит в том, чтобы колхозники стали зажиточными. Он игнорировал голод, отказываясь даже обсуждать этот вопрос на заседаниях Политбюро. Этот голод оставался запрещенной темой вплоть до 1956 г., когда Хрущев упомянул о нем в секретном докладе на XX съезде

КПСС. Но и после об этом голоде не упоминали официальные исторические сочинения или исследования о коллективизации. Однако об этой трагедии есть немало воспоминаний частных лиц и упоминаний в самиздатских документах. Писатель Владимир Тендряков описал этот голод в повести „Коичина“. Она была опубликована в литературном журнале „Москва“ в 1968 г. Это одно из редких описаний тех событий, проскользнувшее через цензуру. Тендряков описывает типичное украинское село в 1933 году:

„В Петраковской... падал скот от бескормицы, люди ели хлеб из крапивы, колобашки из круглины, пареную кашу из дядгиля. И не только в одной Петраковской. По стране шел голодный год — тысяча девятьсот тридцать третий. В районном городе Вохрове, на маленьком пристанционном скверике, умирали высланные из Украины раскулаченные куркули. Видеть там по утрам трупы вошло в привычку, приезжала телега, больничный конюх Абрам наваливал трупы. Умирали не все, многие бродили по пыльным неказистым улочкам, волоча... бескровно голубые ноги, ощупывали прохожего собачьими просящими глазами. В Вохрове не подавали ничего: сами жители становились с вечера в очередь к магазину, чтоб получить хлеб по карточкам. Тридцать третий год..”²⁴

Официальных данных о людских потерях от голода не существует, однако, неофициальные оценки предполагают потери 5–6 млн. человеческих жизней. На самом деле относительно нетрудно вывести цифру потерь, сравнивая, например, данные официальных переписей 1926 г. и января 1939 г. В 1926 г. было зарегистрировано 31,2 млн. украинцев, а в 1939 г. — лишь 28,1 млн. За тот же период число белоруссов возросло. Снижение невозможно объяснить лишь тем, что украинцы записывались как русские. Согласно официальной статистике, советское население в 1932 г. составило 165,7 млн. человек, а ежегодный прирост населения — 3 млн. человек. Данные за 1934–1936 гг. не публиковались, но перепись 1939 г. показала численность

населения 170,4 млн. человек вместо ожидавшихся 180 млн. Часть потери можно объяснить снижением рождаемости, но наибольшее влияние оказала гибель людей вследствие голода. Статистические отчеты за 1934, 1935 и 1936 гг. показывают ту же численность населения, что и в отчете за 1933 г. (165,7 млн. человек на 1 января 1933 г.). В речи на совещании комбайнеров в декабре 1935 г. Сталин заявил, что ежегодный прирост населения в Советском Союзе составляет около 3 млн. человек.²⁵ Хотя впоследствии уровень рождаемости, возможно, вернулся к прежним показателям, понадобилось несколько лет, чтобы восполнить потери, вызванные голодом. В своих неофициальных расчетах потерь населения в Советском Союзе Максудов приходит к заключению, что скорее всего 7 млн. человек умерли от голода.²⁶ Он считает, что население СССР сократилось в 1934 г. до 159,3 млн. человек. Не менее 3 млн. умерших составили дети. Демографический разрыв, сложившийся между 1932 и 1934 гг. легко распознается в позднейших переписях. 1970 г. дает число родившихся в 1929–1931 гг. в 12,4 млн., тогда как число родившихся в 1932–1934 гг. — 8,4 млн. человек. Наверняка в 1932–1933 гг. родившихся было больше, но они родились, чтобы умереть. В тогдашних границах Украины (Западная Украина была аннексирована у Польши в 1939 г.) в численности населения появляется дефицит в 1 млн. родившихся в 1932–1934 гг., если сравнивать этот показатель с предыдущими и последующими годами. В данных о населении Белоруссии за тот же период такого явления не наблюдается.²⁷ Эти потери нельзя объяснить войной, так как родившиеся в 1932–1934 гг. были слишком молоды, чтобы служить в армии во время войны.

Как ни страшен был голод 1932–1933 гг., следующий год грозил стать еще хуже. Наиболее плодородные районы страны не только голодали — там не было семенного фонда для посевной кампании наступающей весны. Без вмешательства властей голод грозил распространиться по всей стране.

Голод 1932–1933 гг. был вызван жестокой насильственной конфискацией всех запасов зерна на Юге, но с опустевших деревень к осени 1933 г. взять уже было нечего. Опасение полного развала сельского хозяйства в этих районах привело, наконец, правительство в чувство. Туда послали семенное зерно.

Некоторая помощь была направлена на Нижнюю Волгу и в Центральный черноземный район. Но и тогда семена давались не безвозмездно, а займы, и распределение было избирательным: деревни, подозреваемые в „кулацком саботаже“, получили очень мало или совсем ничего. Разумеется, посевная кампания была подготовлена весьма плохо и длилась намного дольше, чем обычно. Но и едоков осталось меньше, а домашнего скота — намного меньше. Все, в том числе и дети, были мобилизованы на посевную. Высшая власть на местах была передана политотделам МТС, и эпоха, когда избранные на местах советы пользовались каким-то влиянием, кончилась. На селе была установлена прямая диктатура партии.

* *
*

Уничтожение кулачества, насильственная коллективизация крестьянства и голод 1932—1934 гг. оказали огромное влияние на последующую историю Советского Союза. Это станет ясным из описания дальнейшего развития сельского хозяйства. Станет также ясным, что влияние это было отрицательным.

Существует устоявшийся миф, иногда повторяемый даже в западной литературе, что коллективизация была неизбежной, что она укрепила страну и потому, хотя бы отчасти, ее следует расценивать как успех. В „New Columbia Encyclopedia“ указано, что коллективизация „помогла модернизировать сельское хозяйство, обеспечить надежное снабжение продовольствием, освободить капиталы для промышленности и перевести излишки рабочей силы в тяжелую индустрию“.²⁸ Это очень близко к официальной советской точке зрения. Согласно такому мнению, тяжелая цена была уплачена, но вскоре выявились преимущества новой системы.

Верно, конечно, что сельскохозяйственные реформы были необходимыми. Однако постепенное и умеренное развитие менее жестких, менее „коллективизированных“ форм производственных кооперативов имело бы больше преимуществ, а длительный ущерб, нанесенный селу, был бы значительно меньшим.

Полезно рассмотреть, как долго оставались в силе меры, введенные в ходе коллективизации. Крайне непопулярная система единовременной натуральной оплаты труда колхозников в конце уборочной кампании раз в году продолжала существовать до конца 50-х годов, когда она была постепенно распределена во времени и в конечном счете заменена ежемесячными денежными выплатами. Произвольные законодательные и полицейские ограничения на передвижение крестьян из одного места в другое, а также в города, а именно лишение их внутренних паспортов, просуществовали до 1976—1978 гг. Рост урожайности обрабатываемых земель, медленный, но явственно проявившийся в 1906—1916 и в 1923—1928 гг., остановился, и урожайность главных зерновых культур не повышалась в течение 25 лет после коллективизации. Общий сбор зерновых, достигший 86 млн. т в 1913 г., оставался на том же уровне до 1952—1954 гг. (колеблясь между 82 и 85 млн. т), хотя население значительно увеличилось. Производство зерна стало увеличиваться, лишь когда Хрущев приступил к осуществлению программы освоения целинных земель. поголовье скота достигло уровня 1928 г. лишь в 1956 г.

Политические издержки сталинской коллективизации были еще выше. Террор против кулаков и других крестьян, а также против специалистов по сельскому хозяйству, и трагедия голода 1932—1933 гг. породили серьезный разрыв в отношениях между правителями и массами. Партия потеряла ориентиры. Официальная общепартийная чистка началась в декабре 1932 г., когда все способные и умеренные руководители уже были изгнаны из партии. Чистка создала основы для культа Сталина и окончательного установления его диктатуры. Террор 1936—1938 гг. множеством нитей связан с террором 1929—1933 гг.

Если бы на селе ничего не изменилось после 1928 г., создание МТС и увеличение числа машин привело бы к стихийным переменам в старой общинной системе, дало бы дополнительное количество зерна и высвободило бы дополнительные рабочие руки для промышленности. Продление НЭПа облегчило бы развитие промышленности, так как отрасли легкой промышленности, сфера торговли и услуг поднялись бы до надлежащего уровня без каких-либо капиталовложений государства. Мнение,

что посредством коллективизации был изъят капитал, вложенный затем в развитие промышленности и в производство заменителей импорта, — чистая иллюзия. В годы „великого спада“ (1929—1933 гг.) цены зерна на мировых рынках были крайне низкими. К тому же колхозы находились в состоянии непрерывного кризиса, какие бы перемены и усовершенствования там ни вводились, и большинство постоянно нуждалось в кредитах, которые они не могли выплатить. Работали в колхозах только по принуждению. Процесс замены хронически больных и бедных колхозов более дисциплинированными и централизованными совхозами растянулся на десятилетия. В 1940 г. около 93% всех обрабатываемых земель принадлежало колхозам. В 1985 г. их доля сократилась до 40%, а доля в производстве сельскохозяйственной продукции оказалась еще меньшей. В 80-е годы продукция колхозов была в денежном выражении меньше продукции совхозов и меньше, чем давал частный сектор (на крошечных приусадебных участках, оставленных крестьянским семьям для их личных нужд). Причина превращения совхозов в главную форму организации сельского хозяйства в течение последнего десятилетия не в укреплении социалистического сельского хозяйства. На самом деле колхозы обходятся государству дешевле, требуют меньших капиталовложений и потому, казалось бы, они должны быть предпочтительнее. Причина в том, что колхозная система не может создать жизнеспособного сельского хозяйства. Несмотря на огромные затраты, быстрыми темпами шел упадок колхозов. Совхозы обычно создавали вместо совершенно обнищавших и обанкротившихся колхозов, потерявших экономически активное население. В настоящее время колхозы требуют ежегодно больше средств для простого выживания, чем было изъято у них (посредством крайне низких закупочных цен) за две предвоенные пятилетки. Миф, что коллективизация была жесткой, но эффективной мерой, не выдерживает проверки реальностью функционирования советского сельского хозяйства.

* *
*

СТАЛИНСКИЕ КОЛХОЗЫ В 1933—1941 гг.

Коллективизация сельского хозяйства изменила в деревне почти все, кроме набора производившихся сельскохозяйственных культур и мясо-молочной продукции. Крестьяне как сельский класс, основанный на частной собственности на средства производства, а также на общинной трудовой земельной собственности, перестали существовать. Исчезли мелкие частные хутора, хозяева которых относительно свободно решали, как работать и что выращивать. Они или вступили в колхозы или стали работниками совхозов и МТС. Прежние различия, основанные на экономических критериях (между бедняками, середняками и зажиточными крестьянами), преобразовались в новые различия — по профессиям. Большинство колхозников превратились в простых рабочих в поле или в животноводческой бригаде. Над каждым из них стоял звеньевой, бригадир, председатель и заместитель председателя колхоза. Появились также специалисты по работе с машинами. В повседневный язык вошли новые термины, обозначающие новые занятия и новые реалии жизни колхозников. Если бы преобразования были более постепенными, лучше рассчитанными и спланированными, они могли бы улучшить жизнь, повысить урожайность, дать больше продовольствия для города и для деревни. Механизация улучшила бы методы обработки почвы, сократила бы сроки сева и уборки урожая. Объединение участков земли позволило бы ввести современные высокопроизводительные системы севооборота, что повысило бы плодородие почв. Улучшение планирования с более внимательным учетом различий климатических условий могло бы улучшить семенные сорта посевного фонда и разнообразить набор технических культур. При нормальных условиях можно было бы повысить урожайность с крайне низкой (7—8 ц с га) до среднего показателя (14—15 ц с га), достигнутого во многих европейских странах еще в конце XIX века, до массового применения химических удобрений. Именно так рассчитывали возможности колхозов на ближайшие несколько лет специалисты Наркомзема. Такой же уровень установили специалисты Госплана в прогнозах производства продовольственных товаров в Советском Союзе во второй и третьей пятилетках.

Такой уровень сельскохозяйственного производства позволил бы обеспечить программу развития промышленности, снабдить продовольствием быстро растущее население городов, создать стратегические резервы зерна и продовольствия на случай войны, которая считалась неизбежной. Сталин и некоторые его сторонники хотели более ярких достижений. Они часто повторяли, что коллективизация и механизация сделают Советский Союз крупнейшим производителем и экспортером хлеба в мире.

Ни одно из этих ожиданий не сбылось. Урожайность зерновых до 1953 г. осталась на крайне низком уровне — 7,5 ц с га (6,2 ц в Белоруссии, 7 ц в РСФСР и 10,7 ц на Украине). Производство мяса и других высококачественных продуктов животноводства не сравнялось с уровнем, достигнутым до коллективизации, вплоть до самой смерти Сталина в 1953 г. Питание сельского населения и быстро растущего городского населения не улучшилось в течение более чем двух десятилетий. Начиная с 30-х годов доля картофеля в рационе питания постоянно возрастала, и он стал заменять другие традиционные продукты, которые были в постоянном дефиците.

Прежде медленный рост сельскохозяйственного производства был вызван организационными и экономическими ограничениями, связанными с существованием крестьянской общины. Ожидалось, что коллективизация устранист эти ограничения, и это могло бы произойти. Разочаровывающее функционирование коллективизированного сельского хозяйства было вызвано дефектами управления и некомпетентностью. Искусственные ограничения, введенные в колхозную систему, и методы работы колхозов своей жесткостью связывали инициативу еще крепче, чем строгие правила традиционной общины. Огромные потери скота в 1930—1933 гг. сократили применение натуральных, органических удобрений. Основной закон восстановления плодородия почвы был нарушен, и плодородие ее верхних слоев снизилось на больших площадях даже богатых черноземов Юга. Какое-то время плодородие почвы могло бы сохраниться при правильной многопольной системе, но для того, чтобы преимущества севооборота проявились, нужен полный его цикл — от семи до девяти лет. Требование все большего количества зерна и технических культур с тех же самых площадей препятствовало

введению оптимального севооборота. Даже к середине 60-х годов более половины колхозов не смогли стабилизировать севооборот. Мелкое сельское хозяйство, конечно, было отсталым и примитивным, но оно не приводило к эрозии почв. Плохо спланированные крупные поля вызвали быструю эрозию. Дождевые потоки создавали овраги. Из-за этого в течение немногих лет массовой вспашки было потеряно около 10% обрабатываемых площадей. Столь же ясно, что каким бы примитивным ни было хозяйство на мелких участках, ручной сев и жатва, крестьяне заботились о своих полях — пропалывали их, сортировали семена перед посевом, уничтожали колосья пшеницы, ржса и ячменя, пораженные грибковыми болезнями (в особенности головней и другими споровыми, которые содержат сильные токсины, делающие зерно непригодным в пищу ни людям, ни скоту). Делать все это на больших полях было невозможно. При машинной уборке невозможно заметить мелкие поражения почвы и растений и оперативно избавляться от них. Сорняки, грибковые заболевания, заражение почв бурно распространялись. Только в конце 60-х годов стали шире применяться гербициды и пестициды. Обобщественный скот оказался чувствительным к инфекциям и болезням, что неудивительно, если вспомнить, с какой поспешностью сгонялся скот в колхозные стада, к тому же оставляя их без хоть как-то подготовленных помещений.

Но самый тяжелый урон производительности колхозного хозяйства нанесли методы, которыми руководствовались колхозы согласно уставу. Устав был составлен не для того, чтобы служить интересам колхозников. На первом месте стояли интересы государства, а более 100 млн. сельских жителей — производителей хлеба — должны были довольствоваться тем малым, что оставалось после удовлетворения ненасытных appetитов государства. Результаты нетрудно было предугадать. Деревня беднела, разрыв в уровне жизни между городом и деревней расширялся. Рост потребностей города в продовольствии, который в нормальных условиях стимулировал бы развитие сельского хозяйства, стал тормозом производства. Начавшаяся в 1941 г. война с Германией выявила неподготовленность советского руководства не только в военной тактике. Советский Союз не

имел никаких стратегических резервов зерна и продовольствия, и это значительно затруднило ведение войны.

1. Колхозные законы и правила

В начале кампании массовой коллективизации в 1930—1931 гг. не было четких установок по организации работы колхозов. В результате местная импровизация нанесла в дальнейшем немалый ущерб обобществленному скоту и средствам производства. В 1930 г. был издан сборник рекомендаций Наркомзема, однако в них крайне поверхностно рассматривались вопросы распределения доходов колхозов, обязательств со стороны государства и многие другие важные детали. На местах устанавливали очень радикальные правила — вплоть до обобществления птицы и отмены приусадебных участков, где выращивали овощи и фрукты для семьи. Эти участки никогда не принадлежали общинам, и правила Наркомзема разрешали колхозникам их обработку (хотя установленный размер участков в 0,1 га был слишком мал). Однако правила не предусматривали, что крестьяне могут иметь коров, и во многих местах им разъясняли, что крупный рогатый скот должен быть передан в колхоз в качестве вступительного взноса, а мясо и молоко они получат, дескать, в рамках натуроплаты по трудовым дням.

К 1934 г. было обобществлено лишь 50% хозяйств. Оставалось еще более 9 млн. единоличных хозяйств. Было маловероятно, что они прельстятся присоединиться к колхозам, если колхозное законодательство не будет надлежащим образом разъяснено и унифицировано. В мае 1934 г. Совнарком принял постановление,²⁹ которое было явным отступлением от прежней политики обобществления крупного рогатого и прочего скота. Лишь рабочие лошади были оставлены в собственности колхозов. Ранее обобществленных коров, телок, быков, свиней, овец и птиц, а также помещения, в которых они содержались, следовало вернуть их прежним владельцам-колхозникам. Колхозам нечем кормить скот, а конфискованные дома (главным образом, это были жилые дома кулаков) непригодны для содержания животных. Для этого нужны были специальные помещения,

построить которые без вложения государственных средств было невозможно. В ноябре 1934 г. ЦК решил, что пора изменить колхозное законодательство. Сельскохозяйственный отдел ЦК и Наркомзем подготовили Примерный устав (проект) сельскохозяйственной артели. Чтобы придать ему вид принятого всенародным демократическим путем, проект был передан на обсуждение и одобрение Второго всесоюзного съезда колхозников-ударников, который собрался в Москве 11 февраля 1935 г.

В отборе делегатов на этот съезд царил произвол. Официально на колхозных митингах было выбрано 1143 делегата. Но колхозов было уже более 200 тыс., и не было никакой демократической процедуры при сокращении числа делегатов до 1143. Большинство их составляли председатели колхозов, местные партийные руководители (обычно из политотделов МТС), какое-то число представителей местных советов и бригадиров, активистов-колхозников была лишь горсточка. Одновременно в Москве завершал свою работу Седьмой съезд советов, и около 300 его делегатов приняли участие в съезде колхозников.

Главным оратором на съезде был Сталин, но доклад об уставе зачитал Яковлев, возглавлявший сельскохозяйственный отдел ЦК. Устав был одобрен с небольшими изменениями и назван „примерным“, что означало возможность приспособления его к местным условиям, поскольку невозможно создать универсальный свод правил, равно пригодный для севера и юга, для Украины и Таджикистана, для хлеборобов и производителей технических культур, для кочевников — калмыков и туркменов. Следовательно, каждый колхоз должен был модифицировать примерный устав в соответствии с местными условиями и зарегистрировать его в местном совете. Но в уставе имелись правила, практически не подлежавшие изменениям, и именно они определили будущее коллективного сельского хозяйства. Рассмотрим обязательные статьи устава 1935 г.

Земля

Объединенные земли хозяйств, вошедших в колхоз, принадлежат государству и сдаются колхозу в аренду в постоянное

пользование. Каждая колхозная семья имеет право на небольшой участок земли поблизости от дома. Рекомендованный размер участка — 0,25 га, но в исключительных случаях (для больших семей, несколько членов которых работают в колхозе, или в колхозах, специализирующихся на технических культурах, таких как сахарная свекла или хлопок, которые не могут быть потреблены непосредственно путем распределения через натуральную оплату по трудодням) правление колхоза может увеличить размер приусадебных участков до 0,5 га. Приусадебные участки не принадлежат семьям колхозников. Они остаются собственностью колхоза, и если все члены семьи прекращают работать в колхозе, участок может быть отобран.

Дискуссия о размерах приусадебного участка заняла важное место в работе колхозного съезда. В 1930 г. Наркомзем рекомендовал оставить для частного пользования колхозников участки не более 0,1 га. Рабочие совхозов также могли иметь участки размером 0,1–0,15 га для частных нужд. Некоторые делегаты (в большинстве — представители власти) утверждали, что уменьшение ставок заставит колхозников отдавать предпочтение работе на колхозном поле. Увеличение участков даст им больше независимости, побудит их уделять больше времени работе при доме, в особенности если с участка размером 0,25–0,5 га можно будет заработать достаточно на содержание семьи. Другие делегаты, напротив, предостерегали, что если участки будут слишком малы, 8 млн. хозяйств, еще оставшихся единичными в 1935 г., трудно будет вовлечь в колхозы. Обнаружилось также, что выращивание овощей на колхозных полях обернулось полной неудачей. Стало очевидно, что овощи, фрукты и прочие интенсивные культуры нужно вернуть на малые участки, где их выращивали до коллективизации. Приусадебные участки лучше снабжались органическими удобрениями от личного скота и оказались идеальными для овощей и фруктов. В общинах и коммунах приусадебные участки никогда не считались частью общинной земли, и их поглощение колхозами было важной причиной недовольства крестьян.

Скот

Согласно уставу, рабочие лошади считались частью средств производства, и поэтому становились собственностью колхозов. В частном владении лошади могли оставаться лишь в некоторых районах, где их использовали как транспорт, или где традиционный образ жизни включал владение лошадью, верблюдом или ослом, например в Средней Азии и степных районах, где в пищу кочевых народов входили кобылье молоко и конина. В других районах лошадей можно было нанимать у колхозов (оплатой был лишь дневной рацион лошади) для перевозки продуктов на рынок, для доставки строительных материалов, дров, для вспашки приусадебных участков.

Что касается другого скота, то было признано, что потери от массового забоя из-за обобществления можно восстановить, только сняв ограничения на частное владение домашним скотом. Хозяйствам разрешалось владеть ограниченным поголовьем скота для личных нужд. Каждая семья могла содержать одну молочную корову, двух бычков или телок, одну свиноматку с поросятами, четырех овец (в степных районах — до десяти овец). Устав разрешал также содержать неограниченное число кур. Однако новые правила не решали проблему кормов для частного скота. Приусадебные участки были слишком малы для выращивания зерна и других кормовых культур, а луга и пастбища принадлежали колхозам. Теоретически семьи колхозников имели право получать в качестве натуральной оплаты по трудодням кормовое зерно и другие корма, а также сено и солому. Но практически колхозы сами испытывали нехватку кормов вследствие постоянного роста планов по заготовкам зерна и технических культур, а также из-за создания колхозных животноводческих ферм и необходимости кормить колхозных лошадей. По сравнению с этими обязательствами производство кормов для частного скота считалось менее важным. Добывание кормов и сена стало вечной проблемой каждой колхозной семьи. Колхозники косили траву на лесных полянах, на неиспользуемых землях у дорог и у железнодорожного полотна, покупали корма у колхоза. Эта проблема не решена и по сей день.

Закон обязывает каждого колхозника участвовать в колхозных работах под руководством бригадира, согласно плану, составленному правлением. Труд, затраченный на вспашку, носев, внесение удобрений, косьбу, жатву, молотьбу, заготовку сена, прополку, и десятки других видов работ, измеряются в трудоднях — каждая работа по особому коэффициенту. Такие тяжелые работы как вспашка и внесение удобрений оценивались в два трудодня за каждый восьмичасовой рабочий день. За легкие работы, такие как подвоз еды и воды работающим в поле, колхозник получал полтрудодня за такое же время работы. Руководители бригад (состоящих из 10–20 работников) работали вместе со всеми, но за каждый день руководства им записывалось по дополнительному трудодню. В разгар сезонов сева, жатвы и заготовки сена колхозник мог зарабатывать по два-три трудодня ежедневно, но зимой зарабатывали мало или совсем ничего. Средняя выработка определялась в 120–150 трудодней в год.

Натуральная оплата производится пропорционально количеству трудодней, записанных бригадиром или колхозным счетоводом. Однако фактический доход резко различался от колхоза к колхозу; он зависел от эффективности работы колхоза, от выполнения плана поставок и многих других факторов. Преуспевающие колхозы могли позволить себе щедрую оплату трудодня натурой и деньгами, менее преуспевающие платили по трудодням весьма мало. Самые бедные колхозы нередко не могли обеспечить колхозникам прожиточного минимума. Колхозные законы отодвигали оплату по трудодням на последнее место после выполнения государственных поставок и других обязательств. Такой порядок распределения урожая и доходов стал наиболее сомнительным аспектом примерного устава; именно он сделал идею колхозов крайне непопулярной среди крестьян.

Распределение собранного урожая было организовано так, чтобы обеспечить государству поставки зерна и других культур с минимальными издержками. Главным законом социалистического сельского хозяйства стал приоритет обязательств перед государством. Каждый колхоз получал план производства главных видов продукции, который предписывал размеры площадей, отводимых под каждую культуру. В течение лета агрономы и другие специалисты — работники МТС и местного представительства Наркомзема — оценивали „биологический урожай”, то есть примерный урожай с полей, который еще не был убран. Фактически для примерной оценки будущего урожая специалист не нужен. Любой опытный крестьянин мог сделать это по густоте колоса, его размерам, а также размерам зерна в колосе пшеницы или ржи. На основе „биологического урожая” устанавливался размер обязательных поставок колхоза государству по твердой заготовительной цене, обычно весьма низкой (иной раз ниже издержек производства). Выполнение обязательных поставок было первой обязанностью колхоза, и начинались они еще во время уборки. „Первое зерно государству” — обычный лозунг каждой уборочной кампании после 1934 г. Обязательные поставки включали все виды зерновых культур (пшеницу, рожь, ячмень, овес, кукурузу и др.), а также технические культуры. Колхозам не разрешалось выдавать зерно колхозникам до выполнения планов заготовок; после этого выдавался небольшой аванс по натуроплате.

Второй обязанностью колхозов была натуроплата МТС за работы, выполненные для колхоза. Тракторы и другие машины принадлежали государству и содержались в МТС. Любые работы по вспашке, посеву, культивации и уборке урожая с применением этих машин, оценивались в натуре независимо от размеров урожая. Все виды работ пересчитывались в гектары мягкой пахоты, и вспашка такого гектара оценивалась в определенное количество зерна в зависимости от типа почвы. Тяжелые глинистые почвы требовали большей затраты труда и соответственно их обработка оценивалась дороже, чем работы на легких плодородных черноземах. Подобным образом расценивались

уборка комбайном, молотья и другие работы. Обязательства перед МТС полагалось выполнять немедленно. В 1935 г. эти выплаты были невысокими, так как уровень механизации был скромным, и большую часть работ колхозники выполняли вручную, но с годами доля урожая, которую приходилось отдавать МТС, возрастала. Поскольку МТС принадлежали государству, получаемая ими оплата считалась частью общих государственных поставок и включалась в общий баланс товарного зерна.

После выполнения государственных поставок (на которые уходило обычно 30–35% собранного урожая), колхоз должен был создать семенной фонд для следующей посевной кампании. Научные нормы посева предполагали расход примерно 2 ц зерна на гектар. При низких урожаях, составлявших около 8 ц/га, создание семенного фонда требовало примерно 25% урожая. После формирования семенного фонда наступала очередь четвертой обязанности колхозов — создания запасов кормового зерна для лошадей и колхозного скота. Затем на случай вымораживания озимых создавался страховой фонд для пересева и т. д. Устав предусматривал также создание небольшого продовольственного фонда (не более 2% урожая) для колхозных инвалидов, вдов солдат Красной армии, а также семей колхозников, мобилизованных в армию. Лишь когда все платежи были произведены и созданы фонды и резервы, оставшийся урожай делился на две части: одна продавалась на свободном рынке или государству (как излишки) по более высоким закупочным ценам, а другая распределялась среди колхозников пропорционально отработанным трудодням. Деньги, полученные колхозом от продажи урожая, шли на закупки необходимых колхозу товаров, на оплату наемных специалистов, а также на расчеты за строительные работы. Иногда к натуроплате по трудодням добавлялась денежная надбавка, если хватало денег.

Расчеты с колхозниками и выплаты им производились раз в год, обычно в ноябре или декабре. Из выдаваемой оплаты вычитался аванс. Выплаты продуктами животноводства (например, молоком или молочными продуктами) разрешалось производить чаще, но фактически ни молоко, ни мясо не входили в натуральную оплату. Колхозы, специализировавшиеся на животноводстве, обычно всю продукцию сдавали государству.

Система выплат, в которой выдачи колхозникам были последним этапом длинной цепи обязательных форм распределения урожая, оставляла колхозникам весьма немного, а то и совсем ничего. Ни нормы государственных поставок, ни ставки оплаты МТС не учитывали колебаний погоды и других переменных сельскохозяйственного года. Кроме того, „биологический урожай” не был точной меркой, так как он не оставлял места для неизбежных потерь, например, при поздней засухе, которая могла повлиять на созревание зерна, при дождях во время уборки и порче собранного зерна в связи с этим. В 1936 г., когда погодные условия были весьма тяжелыми, а урожай ниже среднего, большинство колхозов в зерновых районах не смогли даже сформировать семенные фонды. Государство выдало им семена, но в долг, и колхозы должны были выплатить эти долги поставками следующего года. С течением времени многие колхозы превратились в постоянных должников.

Денежные доходы колхозов были весьма скромными. При этом 20% дохода следовало вложить в фонд капиталовложений. Остальное приходилось затрачивать на замену орудий и простых машин, работавших на конной тяге, на заработную плату председателю и наемным специалистам. Если после этого что-либо оставалось, можно было сделать денежные выплаты по трудодням.

Выплата на трудодень (а, следовательно, и весь доход колхозников) весьма различался по колхозам. В бедных колхозах на трудодень выдавалось 1–2 кг зерна с добавлением небольшого количества кормов для скота. Преуспевающие колхозы (их нередко ставили за образец и они получали поддержку государства) платили на трудодень больше, причем как натурой, так и деньгами.

Колхозное руководство

Устав определял, что каждый колхоз на общем собрании колхозников должен выбрать председателя и заместителя председателя и нанять счетовода. Агронома также нанимали. Бригадиров назначали или выбирали в бригадах. Каждая бригада специализировалась на полевых работах, в животноводстве или

на технических работах. Председатель, заместитель председателя, счетовод, агроном и бригадиры составляли правление колхоза. Все его проблемы должны были решаться коллективно. Наиболее важные вопросы, например прием новых членов, исключение из колхоза, переселение и т. д., полагалось решать открытым голосованием на общем собрании колхозников.

2. Первые пять лет сплошной коллективизации

Коллективизация была завершена в 1935—1937 гг. экономическим давлением — возложением тяжелого налогового бремени на хозяйства, оставшиеся единоличными. В сентябре 1934 г. ЦИК и Совнарком издали постановление о новом, весьма высоком прогрессивном налоге на единоличников, не желавших вступать в колхозы.³⁰ Количество зерна и другой продукции, которую они должны были сдать государству по таким низким закупочным ценам, что и колхозы, было удвоено. Размер налога исчислялся по предварительным оценкам ожидаемого дохода, а не на основе фактического дохода, и в расчете на единицу земельной площади был в полтора раза выше, чем обязательства колхозов перед государством. Государство практически изымало на нужды государственного рынка около 30% урожая колхозов, а единоличнику приходилось расставаться с половиной урожая зерна и технических культур.³¹ Но результаты этой меры были обескураживающими, 3 марта 1935 г. было принято постановление о повышении оценок урожая 1934 г., и сельскохозяйственный налог вновь увеличен. Это было явной несправедливостью. К тому же крестьяне уже очевидно проели большую часть урожая прошлого года. Неудивительно, что показатели коллективизации вновь стали расти, и к концу второй пятилетки она была завершена почти полностью.

К юбилейному 1937 г. более 93% хозяйств вступили в колхозы, а в основных зерновых районах показатель коллективизации приблизился к 99%. Теперь уже насчитывалось 245.126 колхозов. В колхозе в среднем было по 76 дворов, а средняя земельная площадь составляла 476 га.³² На самом деле в северо-западных районах колхозы были очень маленькими — по 40—50 дворов, тогда как в зерновых районах Юга и Украины на колхоз

приходилось по 100—120 дворов и более, а обрабатываемые земли составляли 1 тыс. и более гектаров. Между 1935 и 1937 гг. коллективизация стимулировала увеличение числа хозяйств: крупные семьи делились, что обеспечивало каждой выделившейся семье право на приусадебный участок в колхозе. И все же сокращение общего числа крестьянских дворов с 24,5 млн. в 1929 г. (до коллективизации³³) до 18,4 млн. в 1937 г. явно указывает на человеческие потери, которые вызвало „социалистическое преобразование деревни“. Этот спад невозможно списать на индустриализацию. Большая ее часть пришла на 1930—1933 гг., а в 1934—1937 гг., когда жизнь на селе несколько стабилизировалась, произошло некоторое увеличение числа хозяйств.³⁴ Надо сказать, что данные о числе единоличных дворов сообщены в упомянутой выше переписи 1926 г. — 21,7 млн., а в ежегодных сообщениях ЦСУ — 25,1 млн. Перепись проводилась для демографических исследований и основывалась на устных заявлениях опрашиваемых. Здесь была тенденция преуменьшить цифру. Ежегодные обследования ЦСУ проводились весной для нужд налогообложения, и здесь была тенденция к завышению данных. Фактический показатель числа хозяйств находится где-то посередине.

К 1935 г. техническая база коллективизации несколько стабилизировалась. Сталинградский и Харьковский тракторные заводы работали на полную мощность. Завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону („Ростсельмаш“) ежегодно производил несколько тысяч комбайнов и других сельскохозяйственных машин — молотилок, косилок, сеялок, тракторных плугов, культиваторов и т. п. Это был крупнейший завод сельскохозяйственного машиностроения в Европе. В 1936 г. он дал больше продукции, чем все сельскохозяйственное машиностроение России в 1913 г. Близились к завершению строительство Челябинского тракторного завода. Предполагалось, что с 1936 г. он начнет выпускать более мощные гусеничные тракторы с мотором в 60 лошадиных сил. В план индустриализации входило строительство автомобильных заводов, которые приступили бы к производству грузовых автомобилей, сначала грузоподъемностью в 1,5 и 3 т, а затем — и в 5 т., причем к концу второй пятилетки производство грузовиков

должно было достигнуть 200 тыс. Хотя большая часть грузовых автомобилей предназначалась для использования в городах, все же шестую часть продукции планировалось направлять в МТС.

Число МТС увеличилось с 4,375 в 1935 г. до 5,818 в 1937 г. В их распоряжении имелось 365,8 тыс. тракторов, которые могли обслужить 78,3% всех колхозов.³⁵ В зерновых районах каждая МТС заключала подряды с 30–33 колхозами, так что площадь, обслуживаемая МТС, доходила до 18–19 тыс. га. На Украине, на Северном Кавказе и в бассейне Волги в 1938 г. около 90% всей вспашки было произведено МТС. Они находились в собственности государства и поэтому получали машины и оборудование бесплатно. Стоимость каждой машины возвращалась государству через натуральные выплаты колхозов. Работники МТС считались государственными служащими того же разряда, что и рабочие совхозов. Колхозы могли приобретать простое оборудование, работавшее на конной тяге, но владение тракторами, комбайнами и другими сложными машинами было монополией государства.

Быстрая механизация сельского хозяйства (се необходимо было провести быстро, чтобы возместить потери тягловых лошадей и быков) создала новые проблемы, которые нередко обсуждала печать в конце 30-х годов. Главная трудность была в отставании надлежащего обслуживания и ремонта машин. Производство машин было частью государственных планов по промышленности и направлялось из центра, в то время как создание мастерских по обслуживанию и ремонту машин было децентрализовано и оставлено на усмотрение местных властей и системы Наркомзема. Эти системы не были скоординированы. Ремонтные мастерские создавались гораздо медленнее, чем централизованная промышленность. Результатом оказалась хроническая нехватка запасных частей, и около половины тракторов через два года выходили из строя. В 1937 г. более 2 тыс. МТС не имели собственных ремонтных мастерских.³⁶ В конечном счете именно колхозы оплачивали высокие нормы износа и выхода оборудования из строя. От МТС не требовали прибылей, но они были обязаны покрывать свои издержки, включая

оплату работников, из натуроплаты, получаемой от колхозов.

Другая проблема состояла в диспропорции производства различных типов машин. Тракторная промышленность работала гораздо лучше других отраслей. Наличие множества типов тракторов означало, что другое сельскохозяйственное оборудование приходилось к ним приспособливать. Так, когда Челябинский тракторный завод стал поставлять МТС 60-сильные гусеничные тракторы, оказалось, что имевшиеся в наличии плуги и другое оборудование пригодны лишь для малых 15-сильных моделей. Кроме того, колхозы должны были платить за работы, произведенные тракторами ЧТЗ, дороже, чем за те же работы, произведенные меньшими тракторами. При заключении ежегодных договоров между МТС и колхозами возникало множество конфликтов. Теоретически МТС были организованы для обслуживания колхозов, но на практике именно от МТС зависели и объем и структура сельскохозяйственных работ. В их штатах состояли тысячи агрономов, — их ежегодно выпускали старые и вновь созданные сельскохозяйственные учебные заведения; эти люди смотрели на колхозников свысока и считали, что колхозы должны подчиняться МТС, находящимся во владении государства.

Несмотря на огромные людские потери 1930–1933 гг., в 1937 г. на селе еще имелись излишки рабочей силы. Городское население возрастало быстро (с 28,7 млн. человек в 1929 г. до 46,6 млн. человек в 1937 г.), но сельские жители еще составляли значительную часть населения (117,2 млн. человек в 1937 г.). Среднее число трудодней на одного колхозника составило 181 в 1935 г. и 194 в 1937 г.³⁷ До 1938 г. военная служба была обязательной для всех мужчин в возрасте от 21 года (в 1938 г. возраст был снижен до 18 лет). Закончившие военную службу обычно предпочитали устраиваться на работу в МТС или в промышленность. Очень немногие из демобилизованных солдат соглашались оставаться простыми колхозниками. Однако постоянный отток молодых мужчин из колхозов в 30-е годы еще не создавал трудностей. Армия была главным поставщиком водителей и механиков для социалистического сельского хозяйства, но и на местах работали тысячи краткосрочных курсов

трактористов и комбайнеров. К 1937 г. в стране было 685.016 трактористов и 82.413 квалифицированных комбайнеров — намного больше, чем тракторов и комбайнов.³⁸ Механики и трактористы, не поступившие в МТС, а оставшиеся в колхозах, получали более высокую оплату, чем простые колхозники. Их работа также оценивалась в трудоднях, но это были *гарантированные трудодни*, с минимальной оплатой по 3 рубля деньгами и по 3 кг зерна на трудодень независимо от урожая, тогда как плата по обычным трудодням колебалась. Выплаты на гарантированный трудодень прогрессивно повышались при сверхурочной работе, чтобы поощрить трактористов и комбайнеров работать дольше в разгар рабочего сезона. Гарантированные трудодни были введены и для бригадиров, и для всех, кто делал в колхозе более квалифицированную работу. Это очень усложнило систему оплаты. Над крайне скудно оплачиваемыми колхозниками возникла колхозная элита, хотя различия в трудоднях между нею и колхозниками не были велики. В 1936—1940 гг. жизненный уровень колхозников был значительно ниже, чем жизненный уровень середняка в 1925—1928 гг.

В официальных работах по истории Советского Союза 1935—1940 гг. рассматриваются как период величайших успехов в развитии социалистического сельского хозяйства. Верно, что число сельских школ и больниц увеличилось, вырос уровень электрификации и другие показатели социального прогресса. Механизация и объединение земель изменили методы сельскохозяйственного производства. Улучшилась транспортная система и выросло потребление промышленных товаров. Резко выросло производство некоторых технических культур, в особенности хлопка. Государству стало значительно легче проводить заготовки зерна и других продуктов и получать значительные количества товарного зерна как для растущего городского населения, так и для экспорта. В 1937 г. была отменена карточная система. Значительно выросла пищевая промышленность. Все эти перемены несомненны, однако основные показатели сельскохозяйственного производства остались практически неизменными. Продовольственное положение в городах улучшилось за счет ухудшения питания села, а не вследствие общего роста продукции сельского хозяйства. Произошел скромный прирост

обрабатываемых площадей (частично за счет „спешпоселений” высланных, а также за счет совхозов тюремной и лагерной системы), но средняя урожайность зерновых осталась на том же низком уровне — 7—8ц/га. Среднее производство молока на корову составляло около 1 тыс. литров, а производство мяса в 1940 г. было по-прежнему ниже уровня 1928 г. Нехватка кормов вынуждала колхозы забивать коров и свиней, не достигавших „нормального” веса.

В 1936 г. итоги работы колхозов были крайне низкими, отчасти вследствие плохих погодных условий, отчасти из-за того, что новый устав и методы распределения урожая были чрезвычайно непопулярными. В тот же год начался сталинский Большой террор. Местные руководители были запуганы волной арестов на всех уровнях и пытались выжать из колхозников немислимые „достижения”. В некоторых районах лозунг „выполним государственные поставки в августе” внушил крестьянам подозрения, и они оттягивали начало уборки, опасаясь, что государство отберет весь урожай. В июне 1936 г. пленум ЦК рекомендовал повысить нормы натуроплаты за работы МТС. Это резко снизило готовность колхозов пользоваться услугами МТС. Попытки выполнить заготовительные задания в разгар уборочной кампании нарушили нормальный процесс работы, в особенности вследствие нехватки лошадей: зерно по-прежнему доставлялось на заготовительные пункты на телегах, а не на грузовых автомобилях. Во многих районах планы заготовок не были выполнены в августе. Более того, из-за нехватки тягловой силы уборка урожая была сорвана, в особенности в Сибири и Казахстане. В этих районах только половина площадей была убрана до начала сентябрьских дождей, а остальной урожай погиб.

В политической атмосфере чисток эти неудачи объясняли умышленным вредительством, и тысячи местных руководителей были арестованы. Во многих районах первые секретари райкомов были осуждены на смерть вместе со всем составом бюро. Началась волна арестов в Наркомземе и других государственных сельскохозяйственных учреждениях. В начале 1937 г. был отстранен от своих постов Я. А. Яковлев, руководитель сельскохозяйственного отдела ЦК, главный оратор съезда колхозников 1935 г., а также съезда Советов в декабре 1936 г., принявшего

сталинскую конституцию. Впоследствии он был арестован и казнен как „враг народа“. В феврале 1937 г. произошли аресты „правой оппозиции“ — Бухарина, Рыкова и их сторонников. Вместе с ними были арестованы многие ученые и специалисты сельского хозяйства (эта трагедия советской сельскохозяйственной науки подробно описана в другой книге автора³⁹).

Процессы и казни известных деятелей партии широко известны и рассматривались во многих работах. Однако людские потери на местном уровне были еще больше. Почти все первое поколение активистов коллективизации и местные специалисты сельского хозяйства были арестованы, и многие расстреляны. Практически во всех районах, где в 1936—1937 гг. не были выполнены планы заготовок и натуроплаты МТС, проводились местные суды над „вредителями“. Председателей колхозов, директоров совхозов и МТС, председателей сельсоветов, счетоводов, налоговых инспекторов судили за принадлежность к „вредительским организациям“. Любая трудность в сельском хозяйстве — болезнь скота, нехватка кормов, плохая вспашка — рассматривалась как организованный саботаж, и следовали аресты тысяч председателей колхозов, местных агрономов, животноводов и ветеринаров, а также простых колхозников. Многие лагеря для заключенных в Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке были превращены в гулаговские совхозы. Там работали люди всех социальных слоев, арестованные в 1936—1938 гг., и для наблюдения за работой не было недостатка в специалистах и агрономах. Гулаговские совхозы стали местом, куда выбрасывали слишком слабых и непригодных для работы на шахтах, лесозаготовках и других лагерных работах. В Гулаге были молочные производства, птицефермы, теплицы, и не нужно напоминать, что они производили продовольствие для охраны и сотрудников НКВД, а не для заключенных. Мой отец, историк и философ, умер в одном из таких совхозов в Магаданской области Дальнего Востока в 1941 г. Он был переведен туда в 1940 г., когда после болезни стал непригодным для работы на медном руднике в соседнем Заполярье. Случилось редкое совпадение: отец моего школьного товарища, И. П. Гаврилов, был агрономом и директором крупного совхоза. Он также был арестован и работал в том же тепличном комбинате

в 1941 г. Ему удалось выжить, и в 1946 г. он сообщил мне обо всем происшедшем. Неудивительно, что показатели сельскохозяйственного производства за 1937—1938 гг. были намного выше показателей 1936 г. Ясно, однако, что статистика эта весьма ненадежна.

На XVIII съезде партии в марте 1939 г. Сталин сообщил, что сборы зерна увеличились до 95,8 млн. т. Ныне признано, что эта цифра фальсифицирована, и в современных статистических сборниках она больше не воспроизводится.⁴⁰ Среднее производство зерна в 1936—1940 гг. (в границах СССР до сентября 1939 г.) все еще оставалось на уровне 77,4 млн. т — как и в 1926—1928 гг. поголовье скота в 1939—1940 гг. еще не достигло уровня, предшествовавшего коллективизации. Средний убойный вес крупного рогатого скота составлял 210—225 кг, а свиньи — 70—80 кг. Это чрезвычайно низкие показатели и было ясно, что перед забоем скота он не имел привеса из-за недоедания.

В 1939 г. Советский Союз аннексировал Западную Украину и Западную Белоруссию, которые с 1921 г. входили в состав Польши. В 1940 г. были захвачены прибалтийские государства, часть Финляндии и Бессарабия. В западные территории входили районы преуспевающего частного сельского хозяйства. Большая часть нынешних статистических справочников сопоставляет нынешние сельскохозяйственные показатели с уровнем 1940 г., когда сельскохозяйственная продукция новых территорий была включена в общий баланс. Те же цифры сопоставляются с производством в тех же границах за 1909—1913 гг. Публикация более или менее унифицированных статистических отчетов началась лишь после 1956 г., а данные за 20—30-е годы можно найти лишь в специальных работах. Эти данные различаются в зависимости от источников, используемых авторами. Доклады на партийных съездах и конференциях нередко основывались на оценках „биологического урожая“ и других произвольных мерках. Однако имеются и более надежные данные для выводов об итогах коллективизации. В таблицах 2—4 приведены основные показатели развития сельского хозяйства в 30-е годы в границах Советского Союза до сентября 1939 г.; к этим таблицам необходим такой комментарий: Эти цифры взяты из ежегодника „Народное

хозяйство СССР" и ежегодных статистических отчетов, публиковавшихся в 30-е годы. Кроме того, данные почерпнуты из печати того времени, из документов партийных съездов и конференций, проходивших в 30-е годы, из книг о коллективизации и по истории советского сельского хозяйства. Расхождение в данных нередко объясняется искусственностью показателя „биологического урожая", особенно после коллективизации. Этот метод выведения статистических данных изменили только после 1953 г., когда Хрущев предписал, чтобы учет велся только по собранному фактически урожаю („амбарный урожай"). Таким образом, начиная с 1953 г., зерно, потерянное вследствие плохих погодных условий или по другим причинам, не включается в статистику, тогда как до этого оно учитывалось как часть фактического урожая. В этом причина завышенных показателей сельскохозяйственного производства в 1937—1938 гг, в 1937 г. — ради двадцатой годовщины Октябрьской революции, а в 1938 г. — в приближении XVIII съезда партии. Есть путаница и в методах учета производства мяса. В некоторых статистических отчетах за 30-е годы производство мяса дается в убойном весе. Однако, чтобы улучшить показатели, нередко вводят рубрику „мясо, животный жир и субпродукты". В результате нехватки мяса многие субпродукты (копыта, головы и т. п.) употреблялись в пищу, а не в качестве сырья для пищевой промышленности. Обычным было также учитывать все молочные продукты в пересчете на молоко. Кроме того, нередко записывали вместе продукцию колхозов, совхозов и приусадебных участков. Фактически большая часть прироста поголовья скота между 1933 и 1938 гг. приходилась на скот, принадлежавший частным лицам, и более 90% картофеля выращивалось на приусадебных участках. Частный сектор преобладал также в производстве мяса и молока. Социалистический сектор сельского хозяйства представлен только показателями по зерну в таблице 3 и по поголовью лошадей в таблице 4.

Таблица 2. Среднегодовое производство зерна, мяса, молока, картофеля, а также рост населения, 1909—1939 гг.*

	Население (млн. человек)	Зерно Мясо Молоко Картофель			
		(млн. т)			
1909—1913 гг. (среднегодовые данные)		65,2	3,9	24,1	22,4
1909	130,1				
1913	139,3	76,5	4,1	24,8	23,3
1924—1928 гг. (среднегодовые данные)		69,3	4,2	28,8	41,1
1924	141,1				
1928	154,4	73,3	4,3	32,3	46,4
1936—1939 гг. (среднегодовые данные)		74,9	3,6	24,1	46,7
1936	163,8**				
1939	170,6				

* Данные о производстве: „Народное хозяйство СССР в 1965 г." (стр. 258), в 1972 г. (стр. 284), в 1974 г. (стр. 304).

** Снижение темпов роста населения в 1928—1936 гг. вызвано людскими потерями от голода в 1932—1933 гг. Данные о населении основаны на ежегоднике „Народное хозяйство СССР" в переписях 1926, 1937 и января 1939 гг.

Нередко как на преимущество социалистического сельского хозяйства указывают на прогресс в производстве технических культур, в особенности хлопка. На самом деле, показатели по техническим культурам значительно меньше характеризуют прогресс сельского хозяйства, чем данные по продовольственным культурам. Кроме того, успехи в производстве хлопка отрицательно сказались на производстве зерновых культур. В густонаселенных районах Узбекистана и других республик Средней Азии, где хлопок стал господствующей культурой, сельское

хозяйство настолько специализировалось, что зерно, необходимое для местного потребления, пришлось брать из государственных запасов. С увеличением числа специализированных хозяйств, производящих технические культуры, росло давление на заготовки продовольствия, и не только города, но и многие сельские местности пришлось снабжать продовольствием из других районов.

Таблица 3. Годовое производство продукции сельского хозяйства на душу населения, в кг⁴¹

Годы	Зерно	Мясо	Молоко	Картофель
1913	549	29	178	160
1928	474	27	208	301
1939	439	21	141	274

Таблица 4. Поголовье лошадей и скота, 1916–1938 гг. (млн. голов)

Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы
1916	34,2	51,7	17,3	88,7
1926	28,4	63,3	21,1	123,5
1928	33,5	70,5	26,0	146,7
1933	17,3	33,5	9,9	37,3
1938	16,2	50,9	25,7	66,6

Источник: „Народное хозяйство СССР в 1956 г.“ (стр. 128) и в 1965 г. (стр. 367)

Между 1928 и 1939 гг. серьезно ухудшился рацион питания, причем в деревне сильнее, чем в городе. В исследовании о развитии колхозов в 1933–1937 гг., М. А. Вылцан обратился

к архивным материалам, чтобы сопоставить потребление продовольствия в деревне до революции, в 1923–1924 гг. и в 1937 г. Согласно его данным,⁴² потребление хлеба и хлебных продуктов на душу населения в группе „трудовое крестьянство“ составляло ежегодно до революции 217 кг, картофеля – 97 кг, молока и молочных продуктов – 86 кг, мяса и жиров – 11,7 кг. Однако автор не указывает, за какой год данные он использовал и насколько представительна указанная им группа. Для характеристики периода коллективизации он выбрал 1937 г., когда урожай был рекордным за 30-е годы, а для периода НЭПа он выбрал 1923/24 г., когда был собран самый низкий урожай после голодных 1921–1922 гг. Но даже эти искусственно подобранные данные свидетельствуют об отсутствии роста потребления продовольственных продуктов.

Таблица 5. Потребление продовольствия на душу населения (в кг)⁴³

	1923/24	1937
Хлеб и хлебобродуцты	253,1	249,1
Картофель	172,4	198,7
Молоко и молочные продукты	242,2	126,8
Мясо и жиры	18,2	15,8

После коллективизации несколько выросло потребление картофеля, но вдвое сократилось потребление молока, масла и молочных продуктов. Если бы автор привел данные за 1928 г., падение потребления в 30-е годы стало бы еще более явственным. В 1928 г. потребление мяса и жиров в деревне составляло 25 кг на душу населения.⁴⁴ Кроме того, потребление мяса и жиров на душу населения в городах в 1937 г. было намного выше, чем на селе: жители Москвы потребляли 36 кг мяса и жиров на душу населения, а хлеба – почти столько же (238 кг), как в деревне.⁴⁵ Правда, в городах остро не хватало овощей.

Колхозы не могли выращивать овощи, а приусадебные участки были слишком малы, чтобы дать существенные излишки овощей на продажу. Но даже если бы крестьяне имели такие излишки, у них больше не было лошадей, чтобы отвезти продукцию на городские рынки.

В течение нескольких лет после коллективизации село пребывало в смятении. В 1936 г. собрали плохой урожай, и большинство районов не выполнило план заготовок. Более половины колхозов стали должниками государству. Однако в начале весны 1937 г. долги были списаны как жест доброй воли к двадцатой годовщине революции. Хотя урожай 1937 г. расписывали как успешный, успех этот был получен скорее манипуляциями со статистикой, нежели как реальный урожай. В 1938 и 1939 гг. заготовки проходили с большими трудностями, но к 1939 г. проблемы деревни отошли на второй план. Началась война в Европе, и Советский Союз получил территории на западе, почти восстановив границы Российской империи. К советскому населению добавилось 20 млн. жителей Восточной Польши и прибалтийских государств. Урожай 1940 г. был отличным — рекордным за 20 лет советской власти. Было произведено 95,6 млн. т зерна на старых и новых территориях, и государство заготовило 38 млн т товарного зерна. Впервые после многих лет неудач у государства было достаточно зерна на все нужды. Экспорт хлеба утроился. Большая его часть шла в Германию. Вагоны и суда, груженные хлебом, были еще на пути в Германию в ранние часы 22 июня 1941 г., когда немецкие войска напали на Советский Союз.

Перевод Вадима Меникера

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 „Политический дневник 1964–1970”, под редакцией Роя Медведева, т. I, Амстердам, Фонд им. Герцена, стр. 121–123.
- 2 „Правда”, 1 сентября, 1929, (передовая).
- 3 R. W. Davies, *The Industrialization of Soviet Russia: 1. The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*. London, Macmillan, 1980, p. 435.
- 4 А. Ф. Чмыга, *Колхозное движение в первом десятилетии советской власти*. В сб. „Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927”, М., Изд-во „Наука”, 1977.
- 5 В. И. Ленин. *Полное собрание сочинений*, изд. 5-е, т. 39, стр. 373.
- 6 *Собрание законов*, 1929, № 4, стр. 33.
- 7 „Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов”, М., Госплан СССР и РСФСР, 1931, стр. 1–4.
- 8 И. В. Сталин, *Сочинения*, т. 12, стр. 132.
- 9 В. И. Ленин, *ПСС*, т. 38, стр. 256.
- 10 Там же, т. 44, стр. 41.
- 11 Там же, т. 38, стр. 164.
- 12 „Сельское хозяйство СССР, 1925–1928”, М., ЦСУ СССР, 1929.

- 13 В. П. Данилов. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., Изд-во „Наука“, 1979, стр. 71.
- 14 И. В. Сталин. Сочинения, т. 12, стр. 169–170.
- 15 В. П. Данилов. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках, М., Госполитиздат, 1963, стр. 105.
- 16 И. В. Сталин. Сочинения, т. 12, стр. 193–195.
- 17 А. Г. Дояренко. Из агрономического прошлого. Изд. 2-е. М., Изд-во „Колос“, 1965; Н. В. Орловский. Алексей Григорьевич Дояренко. М., Изд-во „Наука“, 1980.
- 18 „Народное хозяйство СССР в 1956 году“. (Статистический ежегодник), М., ЦСЦ СССР. Эти сборники экономической статистики публикуются ежегодно и являются главным источником официальной информации о советской экономике в прошлом и настоящем. Нередко, хотя и не во всех случаях, там приведены сопоставления показателей текущего года с цифрами дореволюционного периода (1909–1913, только 1913 или 1916), а также 20–30-х годов. Информация за 20–30-е годы дана по территории в границах соответствующих лет. Данные за 1913, а также за 1939 и 1940 гг. иногда даны в границах соответствующих лет, иногда – в границах до сентября 1939 г. (до присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и Западной Белоруссии). В 1956 г., когда возобновилась публикация статистических ежегодников, данные по сельскому хозяйству, в особенности по зерновым и техническим культурам, отличались от цифр, публиковавшихся при жизни Сталина. На XX съезде партии Хрущев объяснил, что ранее (после 1932 г.) публиковавшиеся цифры обычно представляли собой „биологический урожай“, т. е. предварительную оценку для нужд налогообложения. Хрущев изменил эту практику, и стали публиковать данные о фактически собранном урожае, то есть о количестве зерна, фактически дошедшего до амбаров деревень и государственной заготовительной системы. Объем информации из года в год колеблется: ежегодник 1956 г. содержал 296 страниц табличного материала, а ежегодник 1963 г. – 759 страниц. Наибольший объем информации был дан в 1965 г. – 909 страниц. Впоследствии публикуемая информация стала сокращаться: в 1980 г. – 582 страницы, в 1982 г. – 560

страниц. Поэтому для изучения положения в 20–30-е годы нередко приходится извлекать данные из нескольких ежегодников.

- 19 В официальной советской истории коллективизации Трапезников сообщает, что только на Северном Кавказе было 2.895 постов по охране урожая и 23.330 групп „легкой кавалерии“ из комсомольцев и пионеров для охраны полей. „Эти юные патриоты помогли спасти 61.180 пудов хлеба“, – заявляет автор (см. С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., Изд-во „Прогресс“, 1981, стр. 367). Такие защитные меры были особенно распространены в 1933 г. во всех зерновых районах. На самом деле, эта охрана, которую Трапезников описывает как „героическую“ деятельность партии, комсомола и юных пионеров, была охраной хлеба от голодных крестьян, посеявших его. Все уборочные работы проводились в 1933 г. под вооруженной охраной.
- 20 Л. Копелев. Последние хлебозаготовки (глава из книги „И сотворил себе кумира“). Энн-Арбор, Ардис, 1978, 247–306).
- 21 И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 225–230.
- 22 Сельское хозяйство СССР (статистический ежегодник), 1935, М., Сельхозгиз, 1936, стр. 222.
- 23 В. Тендряков. Кончина, „Москва“, № 3, 1968, стр. 37.
- 24 „Правда“, 4.12. 1935.
- 25 M. Maksudov. „Losses suffered by the population of the USSR, 1918–1958“, in: Roy Medvedev (ed.), Samizdat Register 2. London, Merlin Press and New York, Norton, 1981.
- 26 „Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года“, ЦСУ СССР, М., Изд-во „Статистика“, 1972, т. 2, стр. 20.
- 27 „Collective farm“, in: „The New Columbia Encyclopedia“, New York, Columbia University Press, 1975, p. 597.
- 28 Свод законов СССР, № 32, 1934.

- 29 „Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и советского правительства, 1927–1935”, М., 1957, см. также Свод законов СССР, № 49, 1934.
- 30 М. А. Вылцан. Завершающий этап создания колхозного строя. М., Изд-во „Наука”, 1978, стр. 59.
- 31 Там же, стр. 61–63.
- 32 В. П. Данилов. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., Изд-во „Наука”, 1977, стр. 221.
- 33 М. А. Вылцан. Указ. соч., стр. 99.
- 34 „МТС во второй пятилетке”, М.–Л., стр. 11–16, 47.
- 35 Т. Л. Басюк. Организация социалистического сельскохозяйственного производства. М., 1939, стр. 212.
- 36 М. А. Вылцан. Указ. соч., стр. 144.
- 37 Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1927–1957 гг.. М., 1960, стр. 38.
- 38 Zh. Medvedev, *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*, New York, Columbia University Press, 1969.
- 39 М. А. Вылцан. Указ. соч., стр. 144.
- 40 Таблица подготовлена на основе таблицы 2 и данных о численности населения в соответствующие годы. Данные о производстве не следует смешивать с показателями потребления. Объем произведенного зерна включает семенное и кормовое зерно, зерно для переработки (например, на водочных заводах) и для экспорта. Следует отметить, что в Советском Союзе молочные продукты пересчитываются на молоко и данные о мясе всегда включают мясо птицы, а также субпродукты, например ляд.

- 41 М. А. Вылцан. Указ. соч., стр. 208.
- 42 Там же.
- 43 S. G. Wheatcroft. *Famine and factors affecting mortality in the USSR and „The demographic crises of 1914–1922 and 1930–1932”*. Unpublished CREES Discussion Papers, University of Birmingham, SIPS No. 20, p. 24.
- 44 А. А. Твердохлебов. Материальное благосостояние рабочего класса Москвы в 1917–1937 гг. М., 1970, стр. 347.